

АНДЖЕЙ БЕЛОВРАНИН

ЧЕРНАЯ КНИГА ПРИЗЫВА

НОВАЯ
газета
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

2011

Издание выходит при поддержке Генерального консульства
Королевства Норвегия в Санкт-Петербурге

ЧЕРНАЯ КНИГА ПРИЗЫВА

Совместный проект РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»
и «Новой газеты в Петербурге»

Автор: Анджей Беловранин

Редактор: Екатерина Колесова

В работе использованы материалы архивов

РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»

«**Достоинство** — уважение и самоуважение человеческой личности как морально-нравственная категория. Из величайшей ценности человеческой жизни следует наличие достоинства у каждого, даже не подозревающего о том человека. В гражданском праве **достоинство** — одно из тех нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ), которые принадлежат человеку от рождения. Оно неотчуждаемо и непередаваемо. **Достоинство личности** охраняется уголовным законодательством (гл. 17 УК РФ)».

Википедия

Вступление

От рекрутской повинности к профессиональной контрактной армии — путь, на котором Россия уже устала спотыкаться

Проблема армейской реформы раздирает наше общество на части, как никакая другая. Полстраны убеждены, что призыв давно устарел, и альтернативы профессиональной армии нет; другая стоит на том, что служба в армии — почетный долг каждого гражданина мужского пола, и отмена призыва равносильна чуть ли не общенациональной кастрации.

Не буду делать вид, что в этой книге я пытаюсь разобраться, какая из двух точек зрения верна: я открыто стою на первой, и именно ее правоту постараюсь доказать.

Для начала поразмышляем немного об истории призыва. В той форме, в которой мы привыкли воспринимать его, призыв возник в XIX веке, и своим появлением обязан техническому прогрессу, а именно появлению в развитых странах сети железных дорог.

До тех пор, пока не существовало быстрого и надежного транспорта с большой пропускной способностью, в армии служили в основном профессионалы: в России военнослужащих, как известно, поставляла система «рекрутской повинности». Рекрут должен был служить весьма продолжительное время: в XVIII веке повинность была пожизненной, затем срок постепенно сокращался: 25, 20 и так далее, вплоть до 7 лет. Таким образом, солдаты исключались из нормальной жизни общества, но зато весь свой опыт они могли использовать для выполнения боевых задач. Права же этих людей в те времена мало кого заботили...

Появление железных дорог в 1874 году позволило создать армию нового типа — массовую мобилизационную. «Всеобщая личная воинская повинность» намного гуманнее рекрутской, потому что она давала каждому право пожить своей собственной жизнью.

С военной точки зрения всеобщая личная повинность также намного эффективнее рекрутской: теперь каждый взрослый мужчина в течение нескольких лет проходил обучение военному делу и, в случае начала войны, мог быть быстро отправлен в действующую армию. Все, что требовалось от государства — содержать в порядке достаточное количество складов с оружием и обмундированием, чтобы обеспечить всех мобилизованных. Развитая транспортная система позволяла призвать всю страну к оружию в кратчайшие сроки — за пару недель.

Конечно, профессионализм таких призывников был заведомо ниже, чем у рекрутов — но это искупалось массовостью и экономической эффективностью.

Первая и Вторая мировые войны прошли под знаком всеобщей мобилизации. Гигантские армии сталкивались на полях сражений, неся миллионные потери...

Но уже во второй половине XX века идея массовой мобилизационной армии стала подвергаться атакам по двум фронтам: с точки зрения защиты прав человека, а также, неожиданно — со стороны бывшего союзника — технического прогресса. Вооружение становилось настолько сложным и при этом настолько смертоносным, что теперь, вместо бесконечных дивизий пушечного мяса, эффективнее стало использовать минимум хорошо обученных профессионалов.

Война во Вьетнаме позволила США преодолеть историческую инерцию и отказаться от призывной армии в пользу профессиональной, вслед за Штатами последовали евро-

пейские страны. И, хотя кое-где призыв еще традиционно сохраняется, ни одна современная военная доктрина уже не предполагает в случае войны массовой мобилизации.

Во-первых, потому что срок, в который можно поставить страну под ружье, с позапрошлого века практически не изменился: как и раньше, для этого потребовалось бы около двух недель. Но при нынешнем развитии вооружения через две недели воевать мобилизованным будет уже не с кем: война к моменту их прибытия на передовую, скорее всего, уже закончится.

А во-вторых, на современных полях сражений десятки и сотни танков и БТР, тысячи солдат с автоматами представляют собой хорошую мишень, но практически не несут угрозы: в условиях так называемых «сетцентрических» войн главная проблема — обнаружить цель, а уничтожение ее — уже дело техники. И техника со своим делом, как правило, справляется.

Таким образом, идея призывной армии: обучить всех мужчин в стране обращаться с оружием и, в случае войны, тут же всех мобилизовать и как можно быстрее разгромить врага — теперь актуальна не больше, чем идея рекрутской повинности. Она не удовлетворяет ни военным, ни экономическим нуждам, а кроме того, противоречит нынешнему интеллектуальному состоянию общества.

В Конвенции о правах человека написано, что никто не может быть лишен свободы иначе, как по решению суда. Призыв в армию очевидно нарушает эту норму. Конечно, в Конвенции отдельно прописана возможность государствам призывать своих граждан на военную службу — ведь Конвенция писалась сразу по окончании Второй мировой, и в то время представить себе иную форму организации вооруженных сил было сложно. Однако с течением времени становится все более очевидно, что эта оговорка устарела, и государ-

ство должно иметь возможность ограничивать права человека только в случае чрезвычайной ситуации — например, войны или стихийных бедствий, — но не в мирное время.

Конечно, существует вопрос патриотической ответственности. Многие уверены, что служба в армии — почетный долг, таким образом признавая, что гражданин изначально находится в долгу перед государством. Лично мне кажется, что соблюдать законы и платить налоги — достаточно для того, чтобы быть честным гражданином; сверх этого государству, построенному на либерально-демократических принципах, для устойчивого развития ничего не требуется. Введение же, например, вместо армейской службы, «альтернативной гражданской» на той же обязательной основе — глупость, т.к. это невыгодно с экономической точки зрения: заставлять всю молодежь повально в течение нескольких лет заниматься неквалифицированным трудом, вместо того чтобы достойно оплачивать этот труд за счет средств, которые эти молодые люди могут заработать — это та самая печально известная колка орехов микроскопом. Конечно, АГС как временная мера имеет право на существование — для того, чтобы облегчить обществу переход от полурабского существования к свободному. Но в целом приоритет прав человека перед неверно понимаемой «гражданской ответственностью» очевиден: не человек должен государству, а государство должно человеку, потому что ради его благоденствия создано.

Армейская реформа последних лет в России представляет собой типичный пример запрягания в одну повозку лебедя, рака и щуки. С одной стороны, расформировали «части неполного состава» — т.е. те самые, в которые должны были бы призываться мобилизованные в случае войны граждане. Сократили значительную часть офицерского корпуса — тех командиров, что должны были встать во главе

мобилизованных миллионов. Таким образом, страна уже по факту отказалась от массовой мобилизационной доктрины. Но при этом... сохранился призыв.

Напомню, призыв при всеобщей воинской повинности был нужен для того, чтобы обучить все мужское население обращению с оружием — т. е. именно на случай мобилизации. Если же таковая даже в принципе не предполагается, то зачем устраивать всю эту свистопляску с призывом — чтобы прогнать через колеса армейской машины сотни тысяч молодых парней, не планируя никогда в будущем задействовать их в реальных боевых действиях?

Призыв без планов мобилизации — это все равно что десять лет обучать студентов на нейрохирургов, чтобы потом послать работать дворниками. Даже без учета тех гигантских потерь, которые Россия несет из-за исключения на целый год молодых людей из общественной жизни, призыв обходится государству в чудовищные деньги — в разрез широко распространенному общественному заблуждению, содержание призывной машины стоит столько же, если не дороже, чем профессиональная армия.

Но если по экономическим показателям еще можно спорить (в конце концов, тут ведь дело статистики — зависит от того, как считать), то более высокая боеспособность профессиональной армии по сравнению с призывной очевидна. Сейчас, когда пишется эта книга — в начале 2011 года — военное руководство планирует увеличивать продолжительность весеннего призыва на два месяца: чтобы заканчивать его не 31 июня, а 31 августа. Мол, это позволит трижды в год загружать систему обучения новобранцев. Но — зачем трижды в год вдальбивать в голову тысяч молодых людей то, что им никогда не понадобится в жизни, если можно один раз куда более эффективно обучить будущих профессионалов-контрактников?..

Единственная причина, по которой призыв без мобилизации сохраняется — его чудовищная коррупционная емкость. По оценкам экспертов, только в одном субъекте Российской Федерации — Санкт-Петербурге — годовой оборот взяток за освобождение от призыва составляет около 10 миллионов евро. «Такса» за то, чтобы «откосить» от армии, сейчас составляет в среднем 100 тысяч рублей.

Очевидно, что при таких огромных доходах, которые, как можно предположить, распространяются по всей системе и оседают в самых разных карманах, внутреннее сопротивление реформам будет чрезвычайно сильным.

Именно коррупционной составляющей объясняются те чудовищные нарушения закона и человеческой морали, с которыми приходится сталкиваться призывникам и их родственникам. В книге, которую вы держите в руках, я попробую исследовать и выявить механизмы упомянутых нарушений, а также представить примеры более или менее успешного сопротивления гражданского общества этим злодеяниям.

Глава 1. Облавы

«Женевская конференция по вопросу терроризма 1987 года приняла декларацию, которая определяет как государственный терроризм <...> практики полицейского государства, направленные против своих граждан: наблюдение, разгон собраний, контроль за новостями, избияения, пытки, ложные аресты, массовые аресты, фальсифицированные обвинения, показательные суды, убийства <...>»

Википедия

1.1. Сергей Тугалов

Величайшей ценностью всех человеческих цивилизаций всегда были не золото или драгоценные камни, не дворцы, плодородные земли или оружие — а люди. И пока власти-тели помнили об этом — их государства процветали; но как только, развратившись и разжирев, они обращали граждан в рабов, обменивая человеческое достоинство на роскошь — троны их начинали шататься и рушились.

«Храбрые люди — вот сильнейшая башня города», — считал древний грек Алкей; с тех пор мало что изменилось. Храбрость защитников рождается из любви к родине, любовь — из уважения к ней, а уважение появляется, если родина в свою очередь уважает достоинство своих граждан. Если же в войске — лишь рабы, восхваляющие своего тирана до тех пор, пока он крепко держит кнут — такое войско разбежится при первых признаках опасности: именно поэтому горсткам свободных греков всегда в конечном итоге удавалось разбить созданные из рабов стотысячные армии захватчиков-персов.

Но может ли уважать свою родину молодой мужчина, если, выходя на улицу, на учебу или на работу, он каждый раз рискует не вернуться домой — к матери ли, к жене ли с детьми — но не потому, что станет жертвой бандитов, а потому, что попадет в лапы охотников за головами, специально отряженных государством, чтобы отлавливать будущих солдат? Сильна ли будет «башня города», составленная из таких защитников?

Только во время осеннего призыва 2010 года в РОПО «Солдатские матери Петербурга» поступали десятки сообщений о незаконном призыве: об облавах на улицах, в метро, в студенческих общежитиях; экстраполируя с учётом того, что чаще всего речь шла о захвате сразу нескольких человек, и что к правозащитникам обращается лишь небольшой процент «отловленных» — можно с достаточной долей уверенности говорить, что только в одном Петербурге через облавы прошли сотни молодых людей...

Вот — типичный пример; к правозащитникам обратились родственники троих захваченных: Сергея Тугалова, Антона Прокопова и Виталия Гавриша.

Из заявления РОПО «Солдатские матери Петербурга» в военную прокуратуру Западного военного округа (ЗВО), командиру ЗВО, в Комитет по законности и правопорядку Петербурга и пр. от 18.12.2010:

«17 декабря 2010 примерно в 22.00 граждане были задержаны сотрудниками милиции. При задержании у Сергея Тугалова были изъяты паспорт и мобильный телефон. При этом никакие протоколы (задержания, доставления или об административном нарушении в порядке ст.ст. 27.2, 27.4 Кодекса об административных правонарушениях) в отношении указанных граждан не составлялись. Призывников в нарушение ст. 27.2 КоАП доставили на призывной пункт

Выборгского района. Без проведения медицинского освидетельствования и призывной комиссии около трех часов ночи призывники были доставлены на Сборный пункт Санкт-Петербурга, где находятся в данный момент.

<Описываются заболевания, имеющиеся у задержанных.>

Указанные молодые люди нуждаются в проведении более тщательного медицинского обследования.

В отношении призывника Сергея Тугалова по устному приказанию начальника отдела военного комиссариата СПб по Выборгскому району Бажимова А.Н. было применено насилие (ему заломили руки и заставили пройти медицинское освидетельствование). Данные действия Бажимова А.Н. могут быть квалифицированы как превышение должностных полномочий».

Трое попавших в облаву молодых людей сумели отстоять свои права: они протестовали против незаконного насильственного призыва, отказались надевать военную форму, и в итоге со Сборного пункта на Загородном пр., 54 их отпустили, снабдив повестками — чтобы они могли пройти предпризывную медкомиссию в рамках требований закона.

Оказавшись на свободе, Сергей Тугалов смог рассказать, что же с ним произошло.

Из жалобы Сергея Тугалова в военную прокуратуру, в Комитет по законности и правопорядку Петербурга и пр. от 19 декабря 2010:

«Я был задержан сотрудниками милиции 17 декабря в 22.00 на станции метро пр. Просвещения. Сотрудник, не представившись, взял у меня мой паспорт и, посмотрев, передал лицу в гражданской одежде. Человек в гражданской одежде посмотрел паспорт и попросил пройти с ним. На мой

вопрос, куда мы идем, человек в гражданском не ответил и привел меня в автобус, стоящий напротив магазина «Компьютерный мир». Зайдя в автобус, я увидел милиционера и еще трех людей. По прошествии 30 минут поехали в неизвестном направлении. Приехали на Лесной пр., 39 (отдел военного комиссариата Выборгского района — А.Б.), нас завели в помещение, которое мне было незнакомо. Я провел там около 20 минут. По истечении этого времени зашел человек в военной форме среднего роста с усами (по всей видимости, описывается начальник отдела военкомата по Выборгскому району Александр Бажимов — А.Б.). Посмотрев на нас, человек в форме удалился. После этого нас начали вызывать по одному в отдельное помещение, где находились две молодые женщины и человек в военной форме, описанный мной ранее. Женщины, сидящие рядом, показали ему мой паспорт. После этого меня осмотрели два врача (которые измерили мой рост, вес и, наверное, нервное состояние). После этого всех нас спрашивали о наших близких и родных».

Два врача и военком в одном кабинете — так, по описанию Сергея Тугалова, он прошел одновременно и медкомиссию, и призывную комиссию в своем районе, по итогам которых ему определили категорию годности. Надо ли говорить, что такая «процедура», проведенная среди ночи, не имеет ничего общего с тем процессом призыва, который точно описан в законах (в чем именно заключаются нарушения, мы обсудим позже).

Продолжение жалобы Сергея Тугалова:

«После этого нас посадили в иномарку и повезли на Загородный, 54. Приехали туда примерно в три часа ночи, нас положили спать. Проснувшись рано утром, мы позавтракали. Затем нас повели в зал, где мы стали смотреть телевизор. Через некоторое время нас всех позвали на медосмотр,

от которого я начал отказываться. Меня и еще нескольких ребят, которые тоже отказались проходить медосмотр насильно, на время оставили в покое. Сказали, что скоро придет человек, который заставит нас его пройти. Через два часа приехал этот человек, которым оказался Бажимов А.Н. Всех ребят, отказывавшихся насильно проходить медосмотр, он стал вызывать по одному. Я был вызван последним. Он сначала очень мило со мной беседовал, но, услышав в ответ отказ, он разозлился и выставил меня в коридор. И сказал, чтобы я хорошенько подумал над тем, что он мне говорил. В коридоре у меня зазвонил телефон, я ответил на звонок. Увидев, что я говорю по телефону, Бажимов А.Н. начал отбирать у меня мой телефон и кричал на меня нецензурной бранью. Я убрал телефон в карман, но он схватил меня за руку и начал ее заламывать назад, сказав своему коллеге, которого называл Мишей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда телефон. Миша начал открывать все мои карманы и искать там телефон. Когда у Миши ничего не получилось, они позвали еще одного человека, находившегося неподалеку. Через некоторое время их стало уже четверо. Бажимов А.Н. стал пинать меня по ногам, чтобы повалить на пол, остальные держали меня за руки и выкручивали мне их.

В итоге им удалось забрать у меня телефон. Бажимов А.Н. взял меня за ухо и стал мне его выкручивать, говоря мне: «Чурка, я тебе засуну этот телефон в зад». Затем он меня толчками начал водить по кабинетам на медосмотр, после он оставил меня в покое. Потом я спустился вниз с ребятами, где у нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и стали заставляя надеть форму и подписать что-то.

Я снова отказался, и меня оставили в покое. На следующий день, 19.12.2010 г., проснувшись и позавтракав, мы весь день смотрели телевизор. В итоге меня удерживали силой

три дня, не давая мне связаться с родными, даже когда они ко мне пришли в назначенное время. Все последующие дни, которые я там провел, меня заставляли что-то подписывать и надеть форму».

В конце концов Сергея вынуждены были отпустить, т.к. он отказался надеть военную форму.

Описанного им было бы достаточно для возбуждения уголовного дела — если бы жалобе Сергея, поддержанной заявлениями его сестры и правозащитников, удалось заинтересовать прокуратуру. Но — не удалось: ответов на жалобы «Солдатских матерей» в установленный срок не поступило. Был только ответ на срочную телефонограмму о совершении преступления: факты насилия не подтвердились...

Случай Тугалова уникален тем, что по поводу происшедшего с ним удалось получить хотя бы некоторую обратную связь: описанный в заявлении Александр Бажимов пришел на пресс-конференцию в Институте региональной прессы, которую в связи с нарушениями при проведении призыва организовали «Солдатские матери Петербурга» в конце декабря 2010 года.

Из статьи «Как крутили рекрутов» («Новая газета в Петербурге», № 95 за 2010 год):

«— Рискаю получить иск за клевету, я все же скажу: начальник отдела ВК по Выборгскому району Александр Бажимов бил по ногам и крутил уши призывнику Тугалову, а также отобрал у него мобильный телефон, — заявила сотрудница «Солдатских матерей Петербурга» Елена Попова.

— Иска можете не бояться, но это неправда, ничего этого не было, — отвечивал присутствовавший тут же Александр Бажимов. — Телефоны мы изымаем только на момент прохождения медкомиссии. (Можно попросить отключить

мобильный телефон — но изымать его незаконно в любом случае; Бажимов этого, видимо, просто не осознаёт. — А.Б.) А Тугалов, между прочим, недавно получил российское гражданство, но заявляет, что служить в российской армии не будет, а будет служить только в армии Таджикистана!

— Вы на этом основании его избили?

— Я его не бил, — отрезал чиновник».

Вот так: ничего не было...

Несмотря на заявления Александра Николаевича, Сергей Тугалов (молодому человеку всего 19 лет) еще не решил, как будет решать армейскую проблему. По повестке, выданной ему на Сборном пункте в конце декабря 2010 года, он не явился: по его словам, у него была уважительная причина.

- Я еще не знаю, что буду делать: может быть, пойду в армию, а может, попробую поступить в вуз, — комментирует Сергей.

Совета о том, как в дальнейшем строить свое общение с военкоматом, призывник собирается искать у «Солдатских матерей Петербурга».

«Подумаешь, «не решил»! — возмутится иной читатель. — По закону должен был давно определиться, и не бегать от призыва, а честно явиться по повестке и пройти медкомиссию...»

С одной стороны — это верно. С другой, чуть не каждый второй молодой человек, по крайней мере в мегаполисах, ведет себя так же, как Тугалов. При этом мало кто сознательно решает уклоняться от призыва: большинство просто не знают, как подойти к этой проблеме, и поэтому полагаются на авось — может, как-нибудь пронесет; а кто-то, глядишь, копит деньги на взятку — на момент написания книги «цена

вопроса» составляет около пяти тысяч долларов... Поэтому, кстати, многие попавшие в облаву соглашаются делать все, что приказывают им в военкомате — может, даже понимая, что это незаконно. Просто чувствуют, наверное, какое-то облегчение: ладно, мол, потеряю год, так хоть разделаюсь с этим раз и навсегда.

Если сомневающихся и неопределившихся так много, возможны два варианта: либо у нынешней молодежи проблемы с храбростью и решительностью, либо законы требуют доработки или хотя бы более вдумчивого подхода к их исполнению. И первое кажется куда как менее вероятным.

Одна из главных проблем призыва — в отсутствии информации и порождаемом им страхе неизвестности.

Из статьи «Вечный зов в армию» («Новая газета в Петербурге», № 9 за 2011 год):

«Евгений Бурдинский, замначальника штаба Западного военного округа, заявил, что «главная ошибка призывников — неприбытие на медосвидетельствование в военкомат в установленные сроки».

— Если бы все своевременно проходили медкомиссии, не было бы необходимости в приводах».

Возможно, вы удивитесь, но с этим выводом соглашается и оппонент генерала Бурдинского по большинству армейских вопросов, председатель «Солдатских матерей Петербурга» Элла Полякова:

- Первоочередная задача каждого призывника — своевременно пройти медкомиссию для определения категории годности к военной службе, либо, предварительно подав заявление на альтернативную гражданскую службу, категорию годности к АГС. Действовать нужно по закону, и тре-

бовать исполнения закона от сотрудников военкомата, — утверждает Элла Михайловна.

Получается, правозащитники и военные говорят одно и то же? Говорят — да, а вот делают — разное. В «Солдатских матерях» два раз в неделю проходят семинары «Школа прав человека», организация регулярно выпускает обновленные учебники «Защита прав призывника и военнослужащего» — на момент написания этой книги вышло уже четырнадцатое издание.

Кто-нибудь хоть раз слышал о проведении в военкомате семинара «Как с соблюдением закона пройти медосвидетельствование»? Может, кто-нибудь видел там стенд «Призывник! Знай свои права»? Единственный месседж, получаемый молодежью от государства напрямую — надрывно-патриотический: будь мужиком, иди и служи, без разговоров! К счастью, несмотря на некоторую привлекательность зашоренного подхода к своему будущему, далеко не все согласны видеть в армии новые возможности, а не условно-добровольное рабство.

Увы! — правозащитники далеко не так могущественны, как пытаются представить их любители конспирологических теорий, и сил их хватает, чтобы охватить лишь некоторую часть общества. В результате, в большинстве своем молодые люди остаются один на один с неизвестностью. Тут и взрослому, умудренному опытом человеку впору растеряться... Вот и прячутся призывники от разверзшейся перед ними бездны, пока могут; увидев в почтовом ящике повестку, выбрасывают и, как можно скорее, стараются забыть. А уж как такое вынужденное бегство от реальности скажется в дальнейшем на психике человека — это тех, кто организует облавы, волнует меньше всего.

1.2. Сергей Рекин, Алексей и Николай Штукины, а также Павел Ляшенко

Выступая на уже упомянутой выше декабрьской пресс-конференции в Институте региональной прессы, начальник отдела военкомата по Центральному району Вячеслав Земсков предложил взглянуть на проблему нарушений во время призыва «с другой точки зрения».

Из статьи «Как крутили рекрутов» («Новая газета в Петербурге», № 95 за 2010 год):

«— Я не хотел бы оспаривать те факты, о которых здесь говорили «Солдатские матери». Если это правда, пусть разбираются соответствующие органы. Но мне кажется, чтобы понять ситуацию в целом, на нее нужно смотреть не только с точки зрения нарушения прав призывников, но и с точки зрения их обязанностей...»

— Я считаю, что на проблему нужно смотреть с точки зрения законов Российской Федерации, а не абстрактных «прав и обязанностей», — отвечала ему Элла Полякова. — Нужно соблюдать законы, а не приносить их в жертву целесообразности или необходимости «увидеть разные стороны проблемы».

Как заставить выполнять свои обязанности тех, кто этого не хочет? И есть ли для этого законные средства? Есть, но лица, организующие призыв, почему-то ими практически не пользуются... вместо этого устраивая облавы.

Но так ли это страшно? В конце концов, ведь многие из тех, кого поймали, действительно скрываются — то есть, видимо, нарушают закон? Может, имеет смысл закрыть глаза на одну-две формальности ради высшей справедливости?

Так какие законы нарушаются во время облав, и

насколько они важны? Рассмотрим это на примере Алексея и Николая Штукиных, а также Павла Ляшенко — всех троих схватили в 8.45 утра 14 декабря 2010 года по месту проживания.

Из жалобы «Солдатских матерей Петербурга» в военную прокуратуру, в Комитет по законности и правопорядку и пр. от 14 декабря 2010:

«В отношении призывников были нарушены следующие требования законодательства:

1. На призывные мероприятия граждане вызываются повестками военного комиссариата, как правило, за три дня до явки, а не доставляются насильственно с привлечением сотрудников милиции (ст. 7 ФЗ ВО, п. 34 Инструкции по подготовке и проведению мероприятий, связанных с призывом на военную службу граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе, утв. Приказом № 400 МО)».

Повестки — это понятно и цивилизованно. Но как быть, если человек по повестке раз не явился, другой не явился (нарочно не будем сейчас рассматривать «перегибы»: те случаи, когда в облавы попадали люди, никаких повесток не получавшие, а то и с оформленными отсрочками, с военными билетами, прописанные в других регионах или вообще иностранные граждане...)? Имеет ли право милиция^{*} доставлять в военкомат таких злостных нарушителей?

Имеет. Если призывник последовательно игнорирует повестки, то за это начальник отдела военкомата обязан завести на него административное дело. Вот если после этого

* В период написания этой книги наша страна пережила эпохальную реформу: переименование милиции в полицию. Но большинство описанных здесь случаев имели место еще в «милицейский период», поэтому, чтобы не вводить излишнюю путаницу, я последовательно буду именовать стражей порядка на прежний лад.

гражданин не явился по повестке для рассмотрения такого дела — тогда сотрудники милиции и меют право его задержать, опросить, составить протокол и доставить на призывной пункт в соответствии с п. 10 Постановления правительства № 663. Но — только для рассмотрения административного дела, а не для проведения медосвидетельствования, и тем более не для немедленной отправки в армию!

Продолжение жалобы от 14 декабря 2010:

«2. Заседание призывной комиссии в отношении призывников не проводилось, решение об их призыве было вынесено заочно».

Именно призывная комиссия определяет категорию годности молодому человеку (хотя и на основании заключения медицинской комиссии). Призывник имеет право выступить перед комиссией, заявить о несогласии с ее решением — если он не согласен; сразу после заседания он может потребовать выдать ему копию решения, чтобы иметь возможность оспорить его в суде.

Между тем, попавшие в облаву чаще всего призывной комиссии не видят — им заменяет ее один начальник отдела призыва военкомата; особенно если «призыв» проводится среди ночи. Выступить перед военкомом бесполезно, да и копию решения комиссии получить, как вы понимаете, проблематично — потому что его на тот момент чаще всего и не существует: проще оформить все задним числом. А если и существует, ни одному попавшему в облаву еще не удалось получить его копии — во всяком случае, правозащитникам о подобном не известно.

Продолжение жалобы от 14 декабря 2010:

«3. В нарушение п. 22 Положения о паспорте у призывников, были незаконно изъяты паспорта гражданина РФ».

Сотрудники военкомата не имеют права изымать у граждан паспорта; не имеют права они и не отдавать им паспорта после того, как им их передали сотрудники милиции, задержавшие жертву облавы. Однако именно это происходит постоянно.

Отнять паспорт — это в первую очередь способ запугать, зазомбировать человека. «Даже если я уйду, они смогут меня найти... — обреченно думает жертва. — И если я сейчас смогу убежать, они легко докажут факт побега...»

Любые призывные мероприятия, проводимые в результате облавы (если человек не сам пришел в военкомат по повестке), в принципе незаконны. Поэтому и «побег» в данном случае не может являться нарушением закона — скорее наоборот, это пресечение противоправных действий.

Однако отсутствие паспорта, если он останется в военкомате, может значительно затруднить жизнь, особенно во время призывной кампании: без этого документа человек не может ни обратиться в суд, ни оформить доверенность на кого-либо другого — чтобы тот обратился в суд за него. Между тем суд — часто единственная возможность отстоять свои права на законный призыв.

Поэтому правозащитники советуют молодым людям, у которых еще не решен вопрос с призывом, вместо оригинала паспорта носить с собой его нотариально заверенную копию. Копия вполне может заменить собой настоящий паспорт... хотя иногда такая предусмотрительность вызывает у сотрудников военкомата неадекватную агрессию. Кстати, сделаем небольшое отступление, чтобы познакомиться с примером такой удивительной реакции.

Из Акта о нарушении прав призывников и их законных представителей на призывном пункте Красногвардейского района 24.06.2009:

«Призывник Рекин С.И. явился для прохождения медицинского освидетельствования, при себе имел все необходимые медицинские документы, письмо из военкомата и копию паспорта. В «столе явки» Корнилова Е.В. потребовала предъявить оригинал паспорта, заявив, что «не собирается принимать эту макулатуру». Призывник сказал, что паспорт принесет его законный представитель позже. В следующий раз Рекин С.И. вошел в кабинет начальника «стола явки» с повесткой и паспортом, однако Корнилова Е.В. в довольно грубой форме объяснила призывнику, что для него медицинское освидетельствование на сегодня окончено, и что он может прийти завтра к 9.00, как «все мальчишки делают». На просьбу поставить в повестке отметку о явке и выдать новую призывник получил отказ. Поскольку военный комиссар Бажимов А.Н. в этот момент в военном комиссариате отсутствовал (несмотря на то, что среда является официальным днем приема), представитель правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» Касьяничик О.М., которая стала свидетелем сложившейся ситуации, обратилась к должностным лицам, осуществляющим надзор за действиями сотрудников военкомата (Полянице В.Ю. и Аппазову Р.Н.). После обращения к указанным лицам призывника Рекина С.И. вызвал к себе начальник отделения призыва Михайлов М.В., который объяснил ему, что ему было отказано в проведении медицинского освидетельствования, так как призывник не предоставил подлинники медицинских документов и рентгеновские снимки начальнику стола явки Корниловой Е.В!

В результате призывнику Рекину было позволено пройти на медицинское освидетельствование, однако Корнилова Е.В. снова в грубой форме отказала, сославшись на большое количество призывников, которые должны проходить медицинское освидетельствование в этот день.

Михайлов М.В. предложил перенести освидетельствование на любой удобный для призванного Рекина С.И. день и выдал повестку».

Как видно из акта, реальной причиной отказа Сергею Рекину пройти медкомиссию было то, что он посмел принести в военкомат нотариально заверенную копию паспорта вместо подлинника! После чего столкнулся с потоком хамства и прикрывающей его лжи.

Однако надо заметить, что в большинстве ситуаций, в том числе при общении с милицией, копия паспорта все же помогает избежать множества ненужных неприятностей, а описанный случай — типичный пример поведения госпожи Корниловой, с которой читателю еще предстоит встретиться на страницах этой книги.

Но продолжим разбор типичных нарушений прав человека во время облав.

Продолжение жалобы от 14 декабря 2010:

«4. Призывникам в нарушение п. 7 Приложения № 3 к Приказу Министра обороны и Министерства Здравоохранения № 240/168 от 23.05.2001 не были проведены обязательные диагностические исследования (анализы мочи, крови и ЭКГ, кроме флюорографии, которую проводили под конвоем)».

Это типичное нарушение — уже одно оно делает призыв незаконным. Кстати, именно его проще всего доказать в суде: если ЭКГ или флюорографию еще могут иногда провести насильно, отконвоировав тех, кто попал в облаву, в поликлинику — то анализы мочи и крови никогда не берутся.

Между тем, очевидно, что, не сделав даже этих, самых элементарных исследований, ни одного человека нельзя призывать в армию: в конце концов, он сам может не знать о

своих заболеваниях, а это опасно как для его жизни и здоровья, так и для жизни и здоровья других солдат.

Наконец, факт игнорирования элементарных анализов говорит об общем качестве «медкомиссии», которую проходят попавшие в облаву. Их чаще всего вообще не спрашивают о самочувствии; естественно, ни у кого из них нет при себе медицинских документов, доказывающих наличие какого-нибудь заболевания; а если бы и были, врачи, скорее всего, «не поверили» бы им.

Продолжение жалобы от 14 декабря 2010:

«5. Призывникам не было предоставлено право на обжалование решения призывной комиссии, предусмотренное статьей 46 Конституции РФ и статьей 28 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Даже если предположить, что кто-то из попавших в облаву предстал перед полноценной призывной комиссией (см. выше, пункт 2), он все равно не будет иметь возможности обжаловать ее решение в суде: из районного отдела молодого человека сразу везут на Сборный пункт (в Петербурге — Загородный пр., 54), а оттуда отправляют в войска. Не будучи ни секунды на свободе, он физически не имеет возможности отстоять свои права.

Между тем, призывник, пришедший в военкомат по повестке и прошедший медицинскую и призывную комиссии, обычно, как того и требует закон, отпускается домой на несколько дней, получив повестку на отправку в войска.

Продолжение жалобы от 14 декабря 2010:

«6. Насильственный призыв на военную службу законом «О воинской обязанности и военной службе» не предусмотрен».

Это, наверное, самый главный пункт. Подавляющее большинство россиян до сих пор уверено в существовании «всеобщей воинской повинности», полагая, что не служить разрешено только калекам и полоумным.

На самом же деле каждый гражданин России, который не хочет служить в армии — имеет право в ней не служить. И дело не только в возможности выбрать альтернативную гражданскую службу — от нее тоже можно отказаться. Никто не может насильно загнать человека в армию, потому что армия — это дело сугубо добровольное!

Как же так, спросите вы — ведь бегать от призыва — незаконно? Совершенно верно. Но подумайте, что может сделать государство с человеком, нарушающим закон? Только одно: судить и привлечь к административной или уголовной ответственности — в зависимости от тяжести проступка. Нигде не сказано, что в качестве наказания преступника могут сослать в армию; более того, имеющих неснятую судимость граждан служить не берут.

Это логично: если человек не хочет служить, или если он уголовник — как можно доверить ему оружие? Чтобы в самый ответственный момент он бросил его и сбежал, или — хуже того — встал на сторону врага?

Между тем, такой способ борьбы с оппозицией и просто гражданскими активистами некоторые чиновники уже подают как свое ноу-хау: особенно непокорных пытаются «забривать» в армию, словно в качестве наказания.

Из статьи «Армия вместо митинга» на сайте

Каспаров.ру от 28.06.2009 (15:37)

(<http://www.kasparov.ru/material.php?id=4A47562547E76>):

«Активист Ивановского отделения Левого фронта Александр Бойков в экстренном порядке был призван в армию. Об этом Каспарову.Ru 28 июня сообщил лидер Левого фронта Сергей Удальцов.

Александр Бойков, являвшийся заявителем акции 30 июня «Поход трудящихся на Москву» и дальнейшего шествия участников похода по Ивановской области в сторону Москвы, 24 июня был вызван в местное отделение милиции под предлогом «уточнения организационных моментов по проведению похода». «Однако, как выяснилось позднее, это была ловушка, — Бойкова прямо из отделения милиции доставили в военкомат, где его заставили пройти медкомиссию и признали годным к прохождению армейской службы», — рассказал Сергей Удальцов.

По словам лидера Левого фронта, уже 25 июня активиста отправили на сборный пункт, а затем — в воинскую часть, расположенную в окрестностях Владикавказа. Удальцов подчеркнул, что в этом году никаких повесток из военкомата Бойкову не приходило.

«Совершенно ясно, что таким образом местные власти решили на ближайший год избавиться от доставлявшего массу проблем левого активиста, а также сорвать проведение «Похода на Москву», — подчеркнул Сергей Удальцов».

Итак, изначально у каждого российского гражданина мужского пола есть, условно говоря, выбор: пойти в армию, либо на АГС (если здоровье позволяет), или сесть в тюрьму за отказ от службы. Но здесь возникает странная ситуация: бегающих от призыва — легионы, а административных дел против них (уж не говоря об уголовных) — считанные единицы на всю страну. Почему?

Потому что военным нужно во что бы то ни стало выполнить план по призыву — ведь если солдат в действующей армии окажется меньше, чем по плану, придется увольнять «лишних» генералов. И еще потому, что на заключенном заработать не в пример сложнее, чем на солдате-срочнике — тем более, что зарабатывать будет другое ведомство.

Вот и получается, что уголовники никому не нужны — а без солдат никуда не деться... Но как раз такая логика неожиданно оборачивается против самих организаторов призыва: раз худшего наказания, чем отправка в армию, скрывающемуся призывнику все равно не грозит — то почему бы и не рискнуть? Ведь можно попробовать скрываться до 27 лет — верхней границы призывного возраста. Глядишь, не поймают!

А значит, росту числа уклонистов, как реальных, так и мнимых, способствуют вовсе не правозащитники и журналисты, запугивающие граждан ужасами армии (как подчас заявляют представители вооруженных сил) — а сами военные, хватающие всех без разбора — лишь бы, во что бы то ни стало, укомплектовать части свежим пушечным мясом.

Более того, тысячи молодых людей, сознательно бегающих от призыва — серьезный удар по экономике и демографии страны. Ведя полуподпольное существование, едва ли они в состоянии полностью раскрыть свой потенциал — а ведь именно в возрасте от 18 до 27 лет закладываются пути будущей карьеры, создаются семьи. Итог удручающий: множество молодых мужчин оказываются попросту вычеркнутыми из жизни.

1.3. Видео Владимира Тертыхного

Вопреки распространенному мнению, облавы на призывников — отнюдь не изобретение 2000-х годов.

- Облавы проводились и в 90-е; мы сталкивались с ними с самого момента образования нашей организации в 1991 году, — рассказывает Элла Полякова. — Причем даже в городах, где молодые люди сами соглашались служить в армии и спокойно ходили в военкоматы по повесткам. Просто тогда общество практически не обращало на это внимания; возможно, потому что СМИ не интересовались проблемой, а может быть, из-за того, что масштабы облав все-таки были меньше. С середины двухтысячных годов они стали попадать в сферу внимания прессы. Возможно, потому что это стало касаться и самих журналистов: как раз где-то в 2006 году мы вытаскивали из облавы корреспондента «Эха Москвы» Даниила Ширяева, и дружно вытащили.

Действительно, у масс-медиа существует определенный принцип работы: пока какой-то факт не попал в поле внимания прессы, его как будто и не существует. И редакторы, и журналисты могут долго «футболить» какую-нибудь тему, потому что она кажется им неинтересной.

Но как только одно СМИ обратило на этот злополучный факт внимание — если у общества проявился к нему хоть минимальный интерес — каждая газета или телеканал считают необходимым осветить его, иначе получится, что именно они — единственные — упустили этот факт из виду. Прошляпили! Позже некоторые подобные явления становятся постоянными темами или, в конце концов, даже «общим местом».

Но вернемся к истории облав.

- После пика середины нулевых, в 2008 году было затишье: сообщений о захватах призывников почти не было, — вспоминает Элла Полякова.

- Я думаю, это связано с уменьшением в 2008 году срока службы с двух лет до одного года — тогда сразу много народу пошло, потому что опасались, что вскоре срок могут опять увеличить. Поэтому в 2008-м план легко был выполнен, и даже «возвраты» были, — объясняет Оксана Касьянчик, специалист по работе с призывниками «Солдатских матерей Петербурга».

В 2009 году облавы вернулись. Страна, наконец, рухнула в давно предсказанную социологами «демографическую яму»; а в армии, несмотря на реформу, не только не сократили объем призыва, но даже увеличили его: ведь если каждый молодой человек служит теперь не два года, а один, то для сохранения прежнего числа призывников их нужно в два раза больше...

А значит альтернативы у военных не было: оставалось только снова насильно загонять людей в армию, как скот.

Непременным участником охоты на призывников оказывается милиция — ведь только милиционеры имеют право, например, остановить человека на улице и что-то от него потребовать. Правда, список таких требований тоже строго ограничен законом — о чем сами милиционеры, как отчетливо видно из документов, накопленных в архивах «Солдатских матерей», частенько забывают...

Прекрасную иллюстрацию того, как стражи порядка умеют сохранять вежливость и работать в строгом соответствии с законом, представляет собой видеозапись, сделанная на камеру ноутбука Владимиром Тертычным во время облавы в студенческом общежитии (эти и другие материалы читатель может увидеть на сайте «Солдатских матерей Петербурга» <http://soldiersmothers.ru/media/videozal/net-oblavam-video/>).

Рано утром в комнате общежития раздается стук в

дверь. Молодые люди, проживающие в комнате, открывают — человек в милицейской форме, представившийся «участковым», несмотря на запрет хозяина помещения, входит внутрь.

Стенограмма видеозаписи, сделанной в общежитии Лесотехнической академии в период осеннего призыва 2010 года:

«Тертычный: Я вас не пускаю.

Участковый: Руки убери! Сейчас договоришься у меня. Не пускает он меня. Ты кто такой здесь, меня не пускать?»

Тертычный: Это жилище наше.

Участковый: А я здесь участковый!

Тертычный: И что такого?

Участковый: И то такого!

Тертычный: Между прочим, сейчас здесь все пишется на камеру.

Участковый: Ради Бога!

Тертычный: Пожалуйста, покиньте наше жилище. Пожалуйста.

Пауза.

Участковый: Кости нету здесь? (Цель Облавы — призывник Костя, в поисках которого участвующие в облаве сотрудники милиции постучали тем утром в дверь Владимира Тертычного. — А.Б.)

Тертычный: Нет.

Участковый: А чего не открывали-то?

Тертычный: Мало ли бандиты ходят какие?

Участковый: Какие бандиты?! Что ты глупости-то говоришь: бандиты?! Какие в общежитии бандиты?

Тертычный: Почему глупости-то?

Сосед Тертычного, студент: Я что, закон нарушаю? Я живу, сплю — тут ломаются в семь утра.

Участковый (обыскивает помещение, заглядывая в том числе под подушки): Где Костя?

Тертычный: Не знаю я.

Участковый: Точно не знаешь?

Тертычный: Точно.

Участковый: Он когда здесь в последний раз был?

Тертычный: Пожалуйста, покиньте помещение.

Участковый (ищет под кроватью): Слышь, ты сейчас договоришься мне! Ты сейчас покинешь помещение отсюда. Понял? Смотрю, что-то слишком умным стал.

Тертычный: Я не стал умным, я им и был.

Участковый: Да-а, был?.. (Заглядывает в шкаф.) Где Костя? Костя где?

Тертычный: В Магадане. Вы обыскиваете или как?

Участковый: Слушай, ты чё такой умничаешь? А?!

Тертычный: Что — умничаю?

Участковый: По кочану!

Тертычный: Не надо на меня голос повышать, пожалуйста. Кости здесь нету.

Участковый выходит».

Не правда ли, впечатляющий пример? Между тем, в соответствии с законом о милиции, уголовным и уголовно-процессуальным кодексом, сотрудник не имеет права вторгаться в жилище гражданина без достаточных на то оснований, а тем более производить там обыск в отсутствие ордера.

Описанная видеозапись была показана также на упомянутой ранее пресс-конференции, которую посетил Александр Бажимов.

Из статьи «Как крутили рекрутов» («Новая газета в Петербурге», № 95 за 2010 год):

«Корреспондент «Новой» попросил начальника отдела ВК по Выборгскому району Александра Бажимова прокомментировать эту видеозапись: считает ли он действия милиции в данном случае обоснованными.

— У милиционеров свои обязанности. Милиционер — представитель власти! Может быть, у них были какие-то основания, о которых мы не знаем? Когда у меня на улице проверяют документы, я всегда спокойно даю. Как можно сопротивляться представителю власти?! — высказал свое мнение работник военкомата».

Воспринимать представителя власти как материальное

воплощение Закона, а действия этого представителя — чуть не как Божественное вмешательство — это преобладающая армейская идея, которую стараются поселить в голове каждого солдата-срочника; само собой, исповедуют ее и сотрудники военкомата — во всяком случае, до тех пор, пока внимание представителя власти не обратится на них самих...

1.4. Эдуард Ибрагимов

Между тем, участие милиции в призывных мероприятиях строго ограничено сразу несколькими документами. Во-первых, федеральными законами, во-вторых, инструкцией, созданной совместным приказом Минобороны, Министерства внутренних дел и Федеральной миграционной службы от 10 сентября 2007 года «Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия военных комиссариатов, органов внутренних дел и территориальных органов Федеральной миграционной службы в работе по обеспечению исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности». В-третьих, в Петербурге начальником ГУВД Владиславом Пиотровским на основании этой инструкции были изданы «Разъяснения». Они созданы специально для рядовых милиционеров — чтобы объяснить им, как понимать московскую инструкцию. Что нужно, а чего нельзя делать.

«Разъяснения» делят подвластных милиции призывников на три группы: первые — те, кому сотрудникам военкоматов никак не удастся вручить повестки; вторые — те, кто повестки получал, но по ним не явился; третьи — те, против которых уже возбуждено уголовное дело за манкирование призывом.

С третьими все понятно: их ждет суд и, если будет дока-

зана их вина, уголовное наказание.

А вот что может сделать милиционер в отношении первых (тех, кому повестку ни разу не удалось вручить)?

Извлечение из «Разъяснений по вопросу взаимодействия военных комиссариатов и органов внутренних дел по обеспечению исполнения гражданами воинской обязанности»:

«1. Установить фактическое местонахождение гражданина;

2. вручить ему повестку военного комиссариата;

3. направить в военный комиссариат корешок повестки с росписью гражданина.

Иных полномочий у сотрудников милиции в отношении граждан, включенных в письменное обращение военного комиссариата, нет. В частности, задержание этих граждан, их привод или доставление куда бы то ни было, незаконны. Действия сотрудников милиции, совершенные за рамками полномочий, могут быть оспорены в суде и обжалованы в административном порядке».

Вот так сюрприз, не правда ли? Надо ли уточнять, что именно молодые люди, которым ни разу не удалось вручить повестку, составляют большинство попадающих в облавы? Конечно, некоторые из них нарочно принимают меры к тому, чтобы им не удалось вручить повестку обычным способом... но как раз против борьбы с этими «хитрецами» и написаны Инструкция и Разъяснения!

Однако правозащитникам еще не встречались случаи, когда призывник, имеющийся в списках военкомата, попав в облаву, отделался бы получением повестки. Таких сразу тащат на призывной пункт, быстро проводят через сомни-

тельную процедуру, которую почему-то называют «медкомиссией», а затем везут на сборный пункт, чтобы сразу отправить в армию.

Далее «Разъяснения» рассказывают милиционерам, что молодых людей, которые повестки получили, но по ним не явились, можно привести в военкомат. Но не просто так, а только если на них имеется персональное определение военного комиссара. А оно издается, когда против призывника в военкомате уже возбудили административное дело за неявку по повестке. Причем, сначала на рассмотрение этого дела сам военкомат вызывает призывника специальной повесткой, и если тот снова не является — вот тогда военком направляет в милицию персональное обращение на этого ленивца!

На прямой вопрос, возбуждались ли административные дела в отношении всех, кого в результате облав доставляли на призывные пункты, сотрудники военкоматов неизменно отвечают, что да, возбуждались! Вот только документов, это подтверждающих, никому, в том числе «обвиняемым», не показывают. Правозащитники полагают, это потому, что никаких дел вовсе не существует.

Извлечение из «Разъяснений...»:

«Целью привода является всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств дела об административном правонарушении и разрешение его в соответствии с законом. Иных целей привод преследовать не может. Совершение привода в иных целях (медицинское освидетельствование призывника, заседание призывной комиссии и пр.) незаконно. Определение о приводе, вынесенное не для достижения установленных Кодексом об административных правонарушениях РФ целей, можно оспорить в суде. Равно незаконно и осуществление по итогам привода каких-либо мероприятий, отличных от рас-

смотрения дела об административном правонарушении.

Осуществление привода в ночное время (с 22 до 6 часов по местному времени) запрещено п. 4 инструкции от 21 июня 2003 года».

Ну, уж вроде яснее ясного! Правда, милиционеры могли бы сказать: мол, мы же не знаем, что с этими «приведенными» в военкомате делают? Нам поручили: доставить по административке — мы доставили; а уж чем там военным с ним занимались потом — не наше дело... Могли бы сказать, но не говорят — потому что их никто об этом не спрашивает.

Наконец, есть еще один способ отличить привод от незаконного лишения свободы в виде облавы.

Извлечение из «Разъяснений...»:

«По установлению лица, подлежащего приводу, сотрудник милиции либо старший группы объявляет ему под расписку определение о приводе. В случае отказа от подписи лица, подлежащего приводу, сотрудником милиции либо старшим группы в определении о приводе делается соответствующая запись».

Ни в одном из заявлений, поступивших правозащитникам, нет ни слова о том, чтобы кто-то что-то зачитывал заявителям и просил расписаться. Скорее всего, потому, что никакого «определения о приводе» у милиционеров в момент облавы нет — а есть только списки из военкомата. Почему? Потому что, как уже говорилось выше, если оформлять привод по всем правилам, придется рассмотреть в отношении призывника административное дело и... отпустить его! А ведь задача-то заключается в том, чтобы загнать его в армию.

Да, мы же еще не обсудили, в чем заключаются те

самые чудовищные административные правонарушения, за которые военком может потребовать наказания призывников? Это 2 статьи КоАП: 21.5 («Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» — например, неявка по повестке) и 21.6 («Уклонение от медицинского обследования»). Оба преступления наказываются штрафом от 100 до 500 рублей. Наверное, очевидно, что ради поимки «злодеев», которым грозят такие страшные кары, милиция вряд ли стала бы устраивать облавы в метро и перетряхивать общежития в семь утра...

Теперь обратим внимание на пассаж в «Разъяснении», посвященный спискам тех, кем интересуется военкомат.

Извлечение из «Разъяснений...»:

«Списки носят преимущественно информационный характер и ни к чему не обязывают должностных лиц, в адрес которых они направляются. Обязанность по проведению мероприятий возникает у органа внутренних дел по факту получения не списков, а письменных обращений, к которым должны быть приложены повестки, подлежащие вручению указанным в обращении гражданам.»

Заметим, что списки в принципе составляются только в отношении первой группы — тех, кому нужно повестку вручить. А для тех, против кого уже административное дело возбуждено, и собираются привод оформительский — тут только персональные определения, никаких списков.

В чем принципиальная разница списков и персональных обращений? Не только в дополнительной бумажной работе. Ведь если есть обращение или определение о приводе — дальше необходимо действовать в соответствии с этими документами: то есть вручать повестку и отпускать, или, при наличии определения о приводе — устраивать разборатель-

ство по административному делу и опять же отпускать. А списки, как правильно отмечено в указаниях главы ГУВД, «ни к чему не обязывают должностных лиц» — осуществляя задержания и приводы по спискам, милиционеры и сотрудники военкомата действуют вне рамок правового поля. Так им проще творить, что в голову взбредет, потому что даже юридически грамотный молодой человек не сможет указать им, что делать в конкретном случае — ведь ситуация с самого начала развивалась за пределами закона.

Наконец, «Разъяснения» позволяют применять к призывникам и более строгие меры, чем привод: это административное задержание и доставление по его результатам. Доставление осуществляется в отделение милиции — и только туда, причем исключительно в том случае, если у милиции есть основание подозревать человека в чем-то плохом (в отличие от привода — когда милиционеры просто доставляют человека в другие учреждения, например, в суд как свидетеля или, как в нашем случае, в военкомат). Потом в отделение должен приехать военком и рассмотреть административное дело, из-за которого злостного призывника и доставили.

Да, еще по факту доставления в милицию, по закону, всегда составляется протокол. Чего в результате облав как раз никогда не бывает. Если захваченных и привозят в отделение — то только для «передержки» — после чего отправляют в военкомат. Никаких протоколов не составляется. Во всяком случае, о подобной процедуре никто из пойманных ни разу не сообщал.

Извлечение из «Разъяснений...»:

«Военный комиссар по каждому факту доставления гражданина обязан прибывать в помещение органа внутренних дел для составления протокола об административных

правонарушениях. Обратные действия — принудительное препровождение призывника в военкомат — незаконны. Более того, такие действия имеют уголовно-правовую квалификацию и должны рассматриваться как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан (ч. 1 ст. 286 УК РФ)».

Собственно говоря, все облавы, о которых становится известно правозащитникам, подпадают под эту квалификацию — и под эту статью. Иногда возникает такое ощущение, что ни сами милиционеры, ни разбирающие их действия следователи не только этих «Разъяснений» или «Инструкции» в глаза не видели, а даже уголовный и административный кодексы не читали, не говоря уж о законе о милиции.

Вот для примера — история, в которую попал Эдуард Ибрагимов.

Из заявления «Солдатским матерям Петербурга» от 14 декабря 2009 года:

«Я, Ибрагимов Эдуард Сергеевич, 11 декабря находился в 00.00 в магазине «Находка», где ко мне подошел сотрудник милиции и попросил предъявить документы. Я поинтересовался, на каких основаниях. Законных оснований для проверки документов он мне не сказал, были какие-то домыслы (нервничает, бегают глаза, «может, вы сын Усамы бен Ладана» и т.д.). Впоследствии я дал ему свой паспорт, предварительно посмотрев его документы. Он пытался взять паспорт в руки, тянул, но я сказал, чтобы он смотрел из моих рук. Потом предложил пройти в военкомат вместе с ним, я отказал ему в его просьбе. Из разговора с ним складывалось впечатление о его правовой безграмотности. Он пошел к выходу и вызвал подкрепление. Я пошел в складские

помещения, чтобы найти черный выход, но он был закрыт. Вернулся назад, к тому времени приехало подкрепление.

Капитан Лысенко тоже не нашел оснований для проверки документов. При проверке тоже тянул паспорт, я ему не отдал. Просил проехать с ними, но в его просьбе я ему отказал. Он говорил, что меня арестовывает. Решение об аресте принимает только суд. Я просил разъяснить его действия, чего он толком сделать не смог.

Капитан начал меня тащить и отвез в 40 о/м, куда впоследствии приехал сотрудник военкомата. На меня долго орали с просьбами пройти с ним, но я отказывался. Уступил все-таки, сел сам (дурак), и они отвезли меня на Городской сборный пункт. В 1.40 я прибыл туда. Около 4.00 я оттуда свалил :))) УРА!!!»

«Солдатские матери Петербурга» и сам Эдуард Ибрагимов обратились с заявлением в следственные органы. И получили отказ в возбуждении уголовного дела. Это крайне интересный докумен, особенно в контексте «Разъяснений».

Из Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 11 января 2010 года за подписью Никоновой А.Р., и.о. следователя следственного отдела по Фрунзенскому району следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Санкт-Петербургу:

«В ходе проверки установлено, что Ибрагимов Э.С. является лицом, подлежащим призыву в ВС РФ и уклоняется от прохождения службы, в связи с чем находится в розыске».

Уклонение от обязанностей военной службы — ст. 339 Уголовного кодекса РФ — наказывается лишением свободы на срок до семи лет. Заявлять, что Ибрагимов «уклоняется от

прохождения службы» можно, только имея на руках приговор суда! Подобную фигуру речи можно допустить во время вальяжного и ни к чему не обязывающего разговора у камина под стаканчик хереса — но никак не в официальном документе, составленном «юристом 3 класса», как именует себя в Постановлении и.о. следователя Никонова.

Упомянутый же следователем «розыск» не стоит путать с федеральным розыском — тем самым, где «их разыскивает милиция». Ведь Ибрагимова по закону могли разыскивать только для того, чтобы вручить ему повестку.

Продолжим.

Из Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 11 января 2010 года:

«Из объяснений капитана Лысенко следует, что 11.12.2009 года около 01 часа 30 минут у д. 74 по ул. Бухарестская у магазина «Находка» им и старшим сержантом Сидоровым в ходе операции «призыв» были проверены документы у Ибрагимова Э.С. с целью сверки со списком лиц, уклоняющихся от службы в армии. Ибрагимов Э.С. начал агрессивно реагировать, кричать, что они не имеют права спрашивать у него документы. Лысенко было ему разъяснено, что проходит операция «призывник» и он подходит по возрастному критерию».

Ну, прямо не знаешь, с чего начать! Ведь тут буквально каждое слово противоречит указаниям, изданным главой ГУВД!

Во-первых, время: «Осуществление привода в ночное время запрещено», — говорят «Разъяснения». Во-вторых, «сверка со списком» — нет упоминания ни о персональном обращении, ни тем более об определении о приводе. То есть Ибрагимова задержали на основании списка — который

«носит информационный характер». В-третьих, Эдуарда Сергеевича вновь без каких-либо оснований зачислили в «уклонисты». Наконец, возраст как единственный повод для проверки документов — это уже ни в какие ворота! Ничего странного, что молодой человек начал возмущаться.

Из Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 11 января 2010 года:

«Ибрагимов Э.С. предъявил свои документы, и после сверки его данных со списком лиц, уклоняющихся от службы, был задержан и доставлен в 40 отдел милиции, как лицо, уклоняющееся от службы, для выяснения обстоятельств. Приехав в 40 отдел милиции, капитан Лысенко связался с военкоматом Фрунзенского района и сообщил о задержании лица, уклонившегося от службы. Спустя некоторое время приехал сотрудник военкомата Урывский Николай Николаевич, взял паспорт Ибрагимова Э.С., сверил данные паспорта со списком и забрал Ибрагимова Э.С. в военкомат. После доставления в военкомат Ибрагимов Э.С. сбежал, чем, скорее всего, и обусловлена подача заявления. Никаких противоправных действий в отношении Ибрагимова Э.С. ни Лысенко, ни какими-либо иными лицами не совершалось».

Когда Эдуард был задержан и доставлен в отделение милиции, сотрудники, по закону, должны были составить протокол о задержании; протокола нет.

Далее, вспоминаем «Разъяснения»: доставлять можно только в отделение, причем после этого привод в военкомат запрещен — иначе получается превышение должностных полномочий, т.е. ч. 1 ст. 286 УК РФ (до четырех лет лишения свободы). Но следователь Никонова, ничуть не смущаясь, в постановлении об отказе в возбуждении дела преспокойно описывает чистый и незамутненный состав преступления, фигурантами которого являются Лысенко и Урывский!

Спасение Ибрагимова бегством — единственная возможность захваченного пресечь противоправные действия — ставится ему в вину. Кстати, ради бегства молодому человеку пришлось выпрыгнуть из окна, в результате чего он сломал руку...

Теперь обратимся к финальной виньетке звездного постановления.

Из Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 11 января 2010 года:

«Таким образом, в ходе проведенной следственным отделом по Фрунзенскому району СУ СК при прокуратуре РФ по СПб проверки, не установлено объективных данных, указывающих на то, что в действиях сотрудников УВД Фрунзенского района Санкт-Петербурга имеются признаки преступления, предусмотренного ст.ст. 285, 286, 290 УК РФ. Оснований для возбуждения уголовного дела не имеется.

В то же время отсутствуют достаточные данные полагать, что Орешина Г.В. (мама Эдуарда Ибрагимова, также подававшая заявление. — А.Б.), подавая заявление о совершении неправомерных действий сотрудниками УВД Фрунзенского района Санкт-Петербурга, совершала заведомо ложный донос».

Вполне в духе жанра бандитской «маявы», незаконный отказ в возбуждении дела заканчивается угрозой: лучше бросьте это дело, а то хуже будет...

«Солдатские матери Петербурга» и семья Ибрагимова пытались обжаловать это постановление, но успеха не имели...

Почему же, несмотря на наличия четких и ясных «Разъяснений», изданных главой ГУВД, чудовищные нарушения прав призывников продолжают? Неужели начальник дей-

ствительно не может контролировать подчинных? Или эти указания — лишь лукавство, призванное создать видимость хорошей мины при плохой игре?

- С одной стороны, система действительно не способна контролировать своих сотрудников, — полагает Элла Полякова. — Но это лишь одна сторона медали. Нельзя, например, не обратить внимания на то, что облавы обычно начинаются после проведения в Смольном особых совещаний, в которых участвуют представители военных и МВД. Кроме того, надо помнить, что Инструкция, а затем и «Разъяснения» к ней появились в результате прямого распоряжения из администрации президента, которая, в свою очередь, отреагировала на возмущение гражданского общества. Так что рождение этих документов связано в первую очередь с желанием хоть чуть-чуть выпустить пар у недовольного населения — но отнюдь не остановить работу призывного котла.

1.5. Дмитрий Хохлов

Облавы противоречат и букве, и духу российских законов: сами по себе являясь беспримерным фактом умаления человеческих прав, в том числе права на свободу выбора собственной судьбы — ведь никто, кроме самого молодого человека, не имеет права решать, идти ему служить в армию или, например, избрать альтернативную гражданскую службу, — они при этом неизменно сопровождаются нарушением сразу нескольких федеральных законов, а также краевольных положений Конституции. Например, о том, что содержать человека под стражей можно только по решению суда.

Дмитрия Хохлова милиционеры схватили в 8 утра у него в квартире, 23 ноября 2010 года. Уже в 12 утра его перевезли на Сборный пункт Санкт-Петербурга (Загородный пр., 54).

Из жалобы «Солдатских матерей Петербурга» в военную

прокуратуру, Комитет по законности и правопорядку СПб и другие органы от 30.11.2010:

«В настоящий момент призывник ХОХЛОВ Д. задержан на Сборном пункте Санкт-Петербурга и не имеет возможности его покинуть. Данное задержание незаконно, так как ХОХЛОВ Д. не является военнослужащим».

- Действия сотрудников военкомата подпадают под статью 127 Уголовного кодекса — «Незаконное лишение человека свободы», — полагает юрист «Солдатских матерей Петербурга» Виктор Андреев.

Если с отягчающими обстоятельствами (совершено организованной группой в отношении двух и более лиц), это преступление наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет.

- Мы неоднократно пытались обратить внимание надзорных органов на то, что на городском Сборном пункте нарушают закон, но реакции на наши заявления нет, — утверждает Виктор Андреев.

Однако вернемся к Диме Хохлову. Надо сказать, что это не самый здоровый призывник. С 4 до 18 лет он жил в аллергологическом санатории в Зеленогорске, и до сих пор не реже раза в месяц у него бывают приступы удушья. Снять их можно только специальными препаратами.

Своевременно явившись по повестке, Дмитрий прошел медкомиссию и призывную комиссию. Несмотря на тяжелые заболевания (помимо астмы, он страдает другими недугами, которые сопровождаются головными болями, а также болями в стопах и позвоночнике — он даже вынужден носить ортопедическую обувь), парня признали годным и выдали повестку на отправку в армию.

Из-за болезни Дмитрия (у него развился ещё и острый

гастроэнтероколит) семья вовремя не успела обжаловать решение комиссии; по той же причине он не явился своевременно по повестке на отправку. Но разбираться в военкомате не стали, и выслали за молодым человеком наряд милиции...

В тот же день отправить в армию парня не успели. А следующим утром на Загородный проспект, 54 пришла мама Дмитрия — Ирина Владимировна Мринская.

- Она хитростью проникла на городской Сборный пункт и присидела с сыном с 9 утра до 9 вечера, пока их обоих не выпустили, — вспоминает Оксана Касьянчик. — Если честно, познакомившись с мамой накануне: она пришла сюда и выясняла, что можно сделать, — я не верила, что ей удастся что-то сделать. Но, к счастью, я ошиблась!

В течение двенадцати часов Ирину Владимировну пытались то обманом, то силой выдворить со сборного пункта или хотя бы разлучить с сыном. Но, будучи уверенной в своей правоте, она чувствовала в себе достаточно сил, чтобы противостоять давлению.

В середине дня Дмитрия вызвали на военнoн-врачебную комиссию (ВВК).

- Меня пытались стыдить: мол, что же это я противлюсь отправке в нашу доблестную армию такого «здорового» сына, — вспоминает Ирина Мринская. — Но я им ответила, что это за них мне стыдно, а не за себя!

Коса нашла на камень, и к восьми вечера на Сборном пункте образовалась патовая ситуация.

- Начальник сборного пункта даже позвонил к нам в организацию (а Ирина Владимировна постоянно поддерживала с нами контакт по телефону) и умолял: мол, мы тоже люди, мы домой хотим, а на ночь нельзя ее там оставлять, — вспоминает Оксана Касьянчик. — Уговаривал нас, чтобы мы

маме объяснили, что «сына никто уже в этот день никуда не отправит, а завтра будет еще одна медкомиссия».

Через час военкоматчики сдались: Ирину Владимировну отпустили со Сборного пункта вместе с Димой. Внутренняя уверенность в своей правоте, чувство собственного достоинства в очередной раз победили ложь, которая трусливо отступила, встретив достойный отпор.

На момент написания книги молодой человек проходит дополнительное обследование, чтобы обжаловать решение призывной комиссии и получить категорию «В» (ограниченно годен, т.е. не подлежит призыву в мирное время) — очевидно, что солдат с таким заболеванием в нормальной армии не нужен.

- Все хорошо, что хорошо кончается. Вот только на Сборном пункте тоже многое мотают на ус, — заключает Оксана Касьянчик. — Раньше с 17.00 до 18.00 был час, когда родителям разрешали встретиться с находящимися там молодыми людьми. Теперь же пускают только родителей тех детей, которые соглашаются на отправку в армию и уже надели форму — видимо, чтобы история с Хохловым не повторилась.

Как обычно, никакие жалобы в надзорные, правоохранительные и прочие органы по этому случаю хода не имели. Вот, например, ответ из Комитета по законности и правопорядку на стандартное заявление правозащитников (попытка насильственного призыва, незаконное удержание, отъем паспорта и т.п.).

Ответ из Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Элле Поляковой от 30.11.2010 за подписью зампреда Комитета А.Я. Шевченко:

«Уважаемая Элла Михайловна!

Ваша жалоба на нарушения, допущенные в отношении призывника Хохлова Д.В. при проведении призывных мероприятий, рассмотрена.

Информирую Вас, что в связи с обращением матери Хохлова Д.В. в призывную комиссию Санкт-Петербурга, 24.11.2010 г. ее сын под обязательства матери был отпущен со Сборного пункта Санкт-Петербурга для прохождения дополнительного медицинского обследования с последующим представлением медицинских документов, подтверждающих наличие у Хохлова Д.В. оснований для его освобождения от призыва на военную службу.

В случае неявки призывника Хохлова Д.В. в установленное время, все необходимые материалы будут переданы в прокуратуру Московского района Санкт-Петербурга.

Можно долго разбирать, чего в этом ответе нет: не рассмотрена ни одна претензия правозащитников. Было ли незаконное лишение свободы? А попытка насильственного призыва? Отъем паспорта? Были ли нарушения со стороны милиции, устроившей облаву в 8 утра? Ни один из этих вопросов Комитет не интересуется.

Так что же есть в этом «ответе», если ответов нет? Есть угрозы. В последнем абзаце угрозу видно невооруженным глазом, хотя и не очень понятно, какие такие «материалы» в отношении Хохлова могут заинтересовать прокуратуру? Может, у Комитета набрался какой-то компромат на двадцатидвухлетнего парня?

Есть угроза и скрытая: «Сын под обязательства матери был отпущен», — что это значит? Это что еще за не предус-

мотренный никаким законом отпуск на поруки ни к чему не осужденного совершеннолетнего человека? И какие санкции предполагаются к матери, если она не выполнит свои «обязательства»?..

1.6. Иван Зайцев

А согласитесь, диковинное это место — Загородный проспект, 54! По каким своим таинственным законам оно живет? Своят туда всеми правдами и неправдами, силком и за шкуру — а при этом люди умудряются оттуда вырываться... И не только так, чтобы из окон прыгать — а своими ногами, через дверь. Выдержал испытание — и тебя выпускают.

- До сих пор, насколько мне известно, действительно силой никого не заставляли форму надевать, — рассказывает Елена Попова, участвовавшая в вызволении уже десятков молодых людей, которых собирались незаконно призвать. — Обман — да, угрозы — да; а теперь научились еще умнее действовать: не только кнутом, но и пряником — дают компот с пирожками, обещают, что «в хорошую часть попадешь»... Но если человек последовательно стоит на своем, не подчиняется незаконным требованиям и выдерживает это чудовищное психологическое давление — через день, два, три его выпускают с повесткой.

Прямо не Сборный пункт, а тестовый полигон для проверки душевной стойкости. Вот только что странно: как раз те, кто тест проходят — в армию не идут...

Один из корней зла, видимо, прячется в двоякой функции таинственного учреждения. С одной стороны, Сборный пункт — действительно место, куда свозят призывников, собирающихся отправляться в армию. Здесь они одевают форму и фактически становятся военнослужащими.

С другой стороны, по какой-то подозрительной случайности, здесь же находится городская медкомиссия — вторая инстанция, после районной, которую проходит каждый призывник перед отправкой в войска. Если же призывник получил категории, не предполагающие службу в армии, медкомиссия может лишь ознакомиться с его документами — а может и вызвать молодого человека, чтобы посмотреть на него лично.

И тут существует коллизия: сборный пункт — место сугубо военное, и тех, кто там находится, на улицу уже не выпускают. А городская медкомиссия — еще относительно гражданское учреждение: ее решение может быть оспорено в суде, и человек, не согласный с ним, должен иметь возможность свободно выйти.

- Того, кто прошел освидетельствование в городской медкомиссии, теоретически можно сразу отправлять в армию, — поясняет Виктор Андреев. — Но только в том случае, если он не собирается обжаловать ее решение. Потому что если он собирается его обжаловать — ему должны выдать повестку и отпустить. Однако нередко его просто не выпускают со сборного пункта.

Понятно, что такая «формальность», как желание призывника, имеет невеликую силу в учреждении Минобороны. И молодому человеку, не согласному с решением городской медкомиссии, мало иметь намерение обжаловать это решение. Нужно еще иметь недюжинную силу воли, чтобы не поддаться давлению и настоять на своем.

В подобной ситуации оказываются не только призывники, попавшие в облаву, но и те, кто добровольно приходят на городскую медкомиссию, чтобы подтвердить наличие у них заболеваний, исключающих службу в армии. Правозащитникам известны случаи, когда такие больные люди, вместо получения законной категории «В», отправлялись в войска.

- Необходимо разделить Сборный пункт Санкт-Петербурга на два разных учреждения, как минимум с отдельными входами, а лучше — вообще в разных зданиях, — полагает Оксана Касьянчик. — Это не решит проблему как таковую, однако усложнит ущемление прав людей.

Из статьи «Им нужны ваши дети» («Новая газета в Петербурге», № 92 за 2010 год):

«- Думаю, надо посещать сборные пункты как места принудительного содержания — есть же правозащитники, которые состоят в специальных комиссиях и имеют на это право, — предложила Ирина Пайкачева из Комитета солдатских матерей Мурманска.

Эту идею поддержала и Элла Полякова.

- Наш Загородный пр., 54 — это тайна, покрытая мраком, — пояснила правозащитница. — Там находятся банк, жилая квартира бывшего военкома, раньше было частное кафе. А платит за это почему-то город. Узнать, кому и на каких основаниях принадлежит это место, мы не можем до сих пор! Не знаем также, в чьей собственности находятся помещения районных отделов военкомата».

О своем опыте посещения Сборного пункта Санкт-Петербурга автору рассказал Иван Зайцев — по горячим следам, сразу после «освобождения». Его история — типичный пример того, что происходит на Загородном проспекте. Вроде и без особых эксцессов; но и этого бывает достаточно, чтобы сломать большинство попавших в облавы.

Двадцатилетнего парня взяли 23 декабря 2010 года в подвенадцатого дня прямо с работы, из цеха завода «Электросила». Погрузили в «газельку» и, в соседстве с еще несколькими такими же бедолагами, привезли в военкомат

Московского района, где приставили милиционера — чтобы не убежали.

- Мы просидели полчаса, потом пришла женщина-психолог, — вспоминает Иван. — Она посмотрела тесты, сказала, что все нормально, а потом нас водили по всем кабинетам. Это было якобы обследование; хирург сказал — все в порядке, при том что у меня сколиоз, плоскостопие и нестабильность шейного отдела. Документов медицинских, естественно, при себе не было...

В предыдущий раз в военкомате Иван был в апреле — где на 15 июня ему выдали повестку.

- Почему повестка на 15-е, если до 30 июня у меня была отсрочка? Я с ними спорил, но это не помогло, — недоумевает молодой человек. — В общем, я не пошел, потому что у меня как раз были экзамены. С тех пор повесток не было. Но, видимо, комиссар припомнил — вот за мной и приехала машина...

К часу дня Зайцева привезли на Загородный пр., 54.

- Посадили в общий зал. Я просидел часа четыре, ждал своей очереди — когда приедет из моего района представитель. У меня не было даже паспорта, только пропуск с работы — его отняли, а потом так и не вернули.

Наконец, представитель прибыл, и Ивана привели в медицинский кабинет. Он сказал, что не будет проходить обследование и отказался подписывать документы, потому что диагноз, который ему поставили в военкомате, не соответствовал тому, что написан в карточке в его поликлинике.

- Ребята, с которыми я там сидел и ждал, сказали: если подпишу, то меня отправляют, — вспоминает Иван. — Действительно, тех, кто были со мной, сразу отправили...

После общения в медкабинете Зайцев до конца дня просидел в общей комнате перед телевизором — больше заняться было нечем.

Кстати, о телевизоре... Сначала кажется странным — с чего бы это военным так расщедриваться на развлечения для без пяти минут пушечного мяса? Но по здравом размышлении понимаешь: ТВ, которое у нас уже иначе как «зомбоящиком» не называют — лучший способ усыпить бдительность человека, лишить воли, сделать безразличным. Хорошо хоть, что несколько часов просмотра для здорового сознания — недостаточная доза для наступления максимального эффекта.

Мобильного телефона у Ивана с собой не было, но один из его вынужденных соседей позволил сделать звонок — так парень сообщил о случившемся матери.

- Там кормили, но я есть отказался. До десяти вечера смотрели телевизор, потом нам выделили кровати — и мы проспали до 7 утра. Потом... опять сидели у телевизора. Наконец, подошел какой-то психолог или психиатр. Спрашивает: «Почему не хочешь идти служить?» Я сказал: «У меня здоровье плохое». Он: «Да ладно, ты нормальный парень!» Я ему отвечаю, что ничего подобного. Тогда он стал ругаться и обзывать, скажем так, обвиняя меня в трусости... Встретились-то мы с ним на лестничной площадке — и он, видимо, еще сдерживался, потому что, парни говорили, у себя в кабинете он вообще беззастенчиво матом крыл.

Потом против Ивана и других «отказников» попытались использовать новые способы убеждения.

- Нас вызывали по очереди и заставляли писать заявление, что мы отказываемся от прохождения медкомиссии. Два парня успели до меня пройти — выходят и говорят, что

им хотели условный срок дать. Потом меня вызвали, сказали: придет следователь и оформит тебе условный срок до 3 лет. Я ответил: оформляй, и я пошел.

На этом разговоры закончились. Больше призывника Зайцева сломать не пытались — потом его вызвали еще только один раз, чтобы вручить повестку, пришлось за нее расписаться — и его отпустили.

– Сын позвонил мне довольно поздно, со случайного телефона, так что в тот день я приехать не успела, — рассказывает мама Ивана Зайцева, Татьяна. — Я пришла к Сборному пункту в 10.30 утра на следующий день, привезла медицинские документы. Вышел дежурный офицер и сказал, что ничего не знает — никакого толка нельзя было от него добиться. Тогда я стала звонить в прокуратуру, правозащитникам; в конце концов ко мне вышел какой-то местный чиновник. Я ему говорю, что принесла документы. Он: показывайте. Что, здесь, в предбаннике показывать, спрашиваю? Тогда он говорит: давайте сюда, я передам, кому нужно, или не нужны мне ваши документы. Я вынуждена была сказать ему, что не верю в его порядочность. А он в ответ начал учить меня жизни: мол, сын мой здоровый, а служить не хочет. И ушел — больше никто не говорил со мной; а потом Ивана выпустили с повесткой...

Сейчас, в период написания книги, Зайцевы судятся с военкоматом: они требуют признать действия военного ведомства незаконными, а также оспаривают медицинское заключение, в соответствии с которым Ивану поставили категорию годности «Б», а не «В».

На первое заседание представитель военкомата не явился. Об условном тюремном сроке почему-то больше ни разу не вспоминали!

«Облавы — лишь крайняя форма признания того, что

по закону призыв провести невозможно», — сказал на одном круглом столе Максим Бурмицкий из межрегионального движения «Солдатские матери». И приходится с ним согласиться.

Конечно, непрофессионализм сотрудников правоохранительных органов и работников военкоматов имеет место — но его можно было бы при желании преодолеть. Значит, дело именно в нежелании соблюдать закон при проведении призыва. Потому что при соблюдении закона — план никогда не выполнить.

Логика подсказывает, что в этом случае что-то надо менять: либо законы, либо планы... Есть такой старый короткий анекдот, мол, существует три способа решать проблемы: правильный, неправильный и... армейский. Так здесь все точка в точку по этому анекдоту.

Неправильный способ: власти могли бы провести через Госдуму новые законы, разрешающие насильственный призыв в армию. Конечно, это противоречило бы Конституции России и международным договорам (что в свою очередь оказалось бы окончательным признанием того, что в нашей стране нет демократии — ни настоящей, ни даже «суверенной»). К такому повороту наверху пока не готовы.

Правильный способ: можно было бы уменьшить план призыва, либо вовсе отменить эту бессмысленную глупость — что, в свою очередь, привело бы к необходимости серьезно и быстро реформировать высшее армейское руководство, в частности значительно его сократить... Кроме того, рухнет множество коррупционных схем и структур, которые сейчас приносят баснословные доходы их участникам. Очевидно, что на этот шаг те, кто сейчас принимают решения в нашей стране, в силу тех или иных причин пойти не могут или не хотят. Иначе давно бы пошли.

А значит, как всегда, остается третий путь — тот самый, «армейский»: пусть будет все, как есть. Пусть нарушают законы и даже собственные инструкции, пусть разрушают человеческие судьбы, но ведь есть высшие интересы; и какая разница, что эти интересы кроются даже не в мифическом патриотизме, а в первую очередь в деньгах? Мы в который раз выбираем третий способ.

Глава 2. Военкоматы

2.1. Сергей Карташов

Военкоматы — это ворота призыва, через которые широкой рекой текут в армию юные жизни. И, как любые ворота, разделяющие два абсолютно разных мира, место это таинственное, загадочное.

Несмотря на то, что всё существование военкомата регламентировано множеством правил и инструкций, он живет по своим собственным законам, которые правозащитникам приходится изучать, основываясь исключительно на наблюдениях — как натуралистам, наблюдающим жизнь ранее неизвестного биологического сообщества.

И, надо сказать, что исследователи добились значительных результатов в выявлении и понимании законов и механизмов жизнедеятельности военкомата; однако загадок до сих пор остается еще очень много. Например, все еще доподлинно не известно, каким образом, собственно, военкомат появляется на свет...

Из статьи «Им нужны ваши дети» («Новая газета в Петербурге», № 92 за 2010 год):

«- В одном процессе судья запросила у военкомата правоустанавливающие документы на помещение — на каком основании они там находятся? Это решение суда так и не было исполнено! То есть, по какому праву они занимают здание — так и не удалось установить, — рассказал Максим Бурмицкий из межрегионального движения «Солдатские матери». — Более того, на военкоматы подают в суд потому что они не платят за электричество, воду и тепло — т.

к. не могут заключить договор, потому что у них не оформлены военкоматы подают в ск на помещение».

Итак, правоустанавливающих документов никто из сторонних лиц не видел, а значит, откуда берутся военкоматы — до сих пор неизвестно; но то, что они существуют — непреложный факт.

Более того, как и всякий живой биоценоз, военкоматы изменяются: как внутри (в результате последней армейской реформы всех сотрудников военных комиссариатов сделали гражданскими лицами — теперь это просто чиновники Министерства обороны), так и снаружи (раньше военкоматы были в каждом районе; теперь во всем субъекте существует лишь один военкомат, а учреждения по районам называются его «отделами»).

Несмотря на эти пертурбации, суть военкоматов, а также населяющих их сотрудников осталась прежней. В частности, никуда не делась возможность получать значительные, не облагаемые налогом доходы.

- Там крутятся чудовищные деньги, — считает Элла Полякова. — Люди свыклись с мыслью, что за свободу детей надо платить дань. Они просто не понимают: как это — не платить?! Поэтому за руководящие должности в этой системе идет очень жесткая борьба.

Статья «Роскошный вид на банку с науками» была опубликована в «Новой газете в Петербурге» № 91 за 2010 год:

«Необычный звонок поступил на этой неделе в организацию «Солдатские матери Петербурга». Звонил не кто-нибудь, а Рефат Ниязович Аппазов, начальник отдела призыва военкомата Петербурга, с просьбой подтвердить, что письмо, пришедшее на имя командующего войсками Западного ВО генерал-полковника Аркадия Бахина, подписанное

якобы председателем правозащитной организации Эллой Поляковой, действительно исходит от «Солдатских матерей». «Письмо переслали нам по факсу, и мы тут же установили, что оно подложное», — заявляет Элла Михайловна.

Начнем с того, что это не первый случай, когда в Петербурге отмечается деятельность двойников правозащитной организации «Солдатские матери». Примерно такого же содержания и уровня исполнения письмо было получено руководством ЛенВО около года назад.

Уровень исполнения, надо сказать, хромает. Мало того, что письмо выполнено не на бланке организации (хоть и с использованием ее логотипа), а подпись Эллы Поляковой просто грубо подделана. В первую очередь выдает фальсификаторов с головой стиль изложения мыслей (приводим цитаты в оригинальном виде): «для прекращения незаконностей», «масштабные размеры вызова», «обращения на имя начальников районных отделов прекратить неправомерность вызовов положительных результатов не дало», «вот почему обычные граждане Петербурга теперь должны платить попиранием своих законных прав при защите своих же конституционных прав», наконец — «организация готова предоставить всю необходимую информацию в том объеме, в котором имеется», и это далеко не всё на полторы странички текста.

Но самое главное, конечно, смысл подметной записки — а он дай бог наполовину соответствует целям «Солдатских матерей».

— В начале письма говорится о нарушениях во время нынешнего призыва. Призыв действительно ужасный! — заявляет Элла Полякова. — Все «отвязались». Разрешено всё! При полном бездействии прокуратуры — абсолютная

безнаказанность работников военкоматов и милиционеров, причем последние не соблюдают не только Закон о милиции, но и приказ собственного ГУВД. Проводятся облавы — в том числе в студенческих общежитиях... В фальшивом письме говорится, что мы получили 5 тысяч жалоб на действия работников военкоматов начиная с 13 сентября 2010. Эта цифра завышена — но около 3 тысяч обращений мы за это время таки получили! Можно представить, сколько их всего было в городе...

Но если первую часть поддельного письма и могли бы составить в «Солдатских матерях» (правда, при этом пришлось бы поверить, что юрист организации Виктор Андреев, указанный как исполнитель, напрочь потерял чувство языка), то вторая часть явно высвечивает истинные цели отправителей — нанести удар в подковерной борьбе за сладкие места начальников районных отделов военкомата Петербурга: «Назначение на должности начальников отделов происходило, скорее всего, по другим критериям, а не по конкурсу на замещение вакантных должностей среди гражданского персонала. И если разобраться в соответствии с предъявляемыми требованиями к начальнику отдела, то не все могут эти должности занимать».

В кляузе называются фамилии нескольких человек, якобы ответственных чуть не за все незаконные действия во время призыва.

— Мы к этим людям никак не относимся: фактов коррупционного поведения именно с их стороны у нас нет, — комментирует Элла Полякова. — Одним из тех, по кому хотели нанести удар авторы письма, является сам Рефат Аппазов. У нас с ним очень непростые взаимоотношения, мы по многим вопросам не согласны — но мы не можем считать союзниками тех, кто ведет с ним борьбу такими средствами.

Тем более что цели этой борьбы очевидно меркантильные и никакого отношения к правозащите не имеют.

Последнее, в чем нуждаются коррумпированные чиновники — это независимый контроль со стороны граждан.

По словам Эллы Поляковой, высшее военное руководство предложило правозащитникам организовать группы, которые могли бы участвовать в работе призывных комиссий и сборного пункта. Но эта здравая идея была заторможена на уровне исполнителей: ни к какой деятельности группы, заблаговременно созданные гражданскими активистами, так и не были привлечены.

Из статьи «Вечный зов в армию» («Новая газета в Петербурге», № 9 за 2011 год):

«Еще одно расхождение между правозащитниками и военными было выявлено в отношении участия независимых наблюдателей в работе призывных комиссий.

— Мы хотели воспользоваться этим предложением высшего военного руководства, составили списки желающих участвовать в работе ПК, — рассказывает Элла Полякова. — Но против гражданского контроля система встала стеной!

— По поводу того, чтобы независимые наблюдатели работали в призывной комиссии, мы только за! — возражал генерал Евгений Бурдинский, замначальника штаба Западного военного округа. — Мы отправили предложенные списки на утверждение в правительство города.

— То есть в том, что это решение не было принято, виноват губернатор? — задал вопрос корреспондент «Новой».

— Я не говорю, что губернатор виноват, я говорю, что мы отправили списки в правительство города, — тут же уточнил Евгений Владимирович».

Итак, пока что официальных наблюдателей в военкоматы не пускают. Однако действенность постороннего глаза для защиты от произвола чиновников настолько велика, что граждане сами, без всяких высочайших разрешений, следуя совету правозащитников, организуют группы поддержки для похода в военкомат.

Несколько мам призывников, желающих отстаивать свои права, знакомятся, обмениваются доверенностями и ходят на каждое мероприятие в военкомат такой группой. Это нужно, чтобы были свидетели. Свидетели чего? Например, того, как сотрудник военкомата отказывается подшивать к личному делу призывника медицинские документы, свидетельствующие об его ограниченной годности к военной службе.

Само собой, сотрудники военкоматов, с трудом избавившиеся от официальных наблюдателей, вовсе не в восторге от такой гражданской инициативы. И вдруг оказывается, что Врата в иной мир — пропускают не всех.

Расшифровка аудиозаписи разговора на вахте отдела военкомата СПб по Фрунзенскому району:

«Погодина Тамара Евгеньевна, бабушка призывника: Мне надо пройти зарегистрировать заявление. Я оставляю в канцелярии заявление.

Вахтер: В сторонку отойдите, пожалуйста... Чтобы нести одну бумажку – троим надо?!

Женщина из группы поддержки: А мне нужно поговорить с секретарем.

Вахтер: Нет!

Погодина: Здесь что, допрос, что ли, я не понимаю?

Пауза

Вахтер: А где эти женщины?

Погодина: Вот, мы здесь.

Вахтер: Пожалуйста, туда. Одного я пропущу. Выбирайте, кто идет.

Погодина: Я иду.

Женщина из группы поддержки: А мы свидетели! Потому что мы не верим.

Вахтер: Свидетели в суде.

Женщина: А у вас тоже! Значит, вы не пропускаете нас?

Вахтер: Вас – нет.

Женщина: Почему?

Вахтер: А потому, что для того, чтобы одну бумажку отнести, одного человека достаточно.

Женщина: Нет, не достаточно. Мы пройти даже не можем.

Вторая женщина из группы поддержки: А мы хотим вместе.

Женщина: Мы имеем права или нет?

Вахтер: Массовые выступления пресекаются.

Женщина: Мы не массовое.

Вторая женщина: У вас тут все пресекается! Вы тут на то и сидите, чтобы все пресекать».

Военкомат — не военный и тем более не секретный объект. После того, как с его сотрудников сняли погоны, он вообще ничем не отличается от любой другой чиновничьей конторы. Каждый гражданин России, согласно 33 статье Конституции, «имеет право обращаться лично в государственные органы и органы местного самоуправления». А уж тем более, если у этого гражданина есть доверенность на представление интересов призывника, в поддержку которого он пришел.

Существует множество оснований, по которым может быть изменен пропускной режим: террористическая угроза, опасность инфекции, пожарная безопасность, даже криминальная обстановка на улицах. Из-за этих напастей вахтеры могут проверять у входящих документы; руководство имеет право ограничить максимальное число посетителей, и не впускать одних, пока не выйдут другие. Но полностью запретить доверенным лицам вход — нельзя ни по какому закону. О необходимости допускать правозащитников и группы поддержки с доверенностями говорят, в частности, и рекомендации, разработанные в Комитете по законности и правопорядку 5 июня 2009 года и разосланные по всем призывным пунктам.

Однако воспользоваться своим конституционным правом в предбаннике военкомата — задача подчас нетривиальная. В Петербурге на входе не только сидят вахтеры, но и стоят «вертушки», преграждающие вход. Пробиваться силой — не самое мудрое решение, а рассказывать вахтеру о Конституции... согласитесь, даже звучит как анекдот.

Поэтому нередко случаются случаи, когда разрешать конфликт на входе в отдел военного комиссариата приходится милиции; причем часто милицию вызывают обе стороны. Как ни странно, стражи порядка не всегда оказываются на стороне своих коллег из военного ведомства...

Но даже если группе поддержки удастся пройти внутрь военкомата — это еще не значит, что их не будут пытаться оттуда выставить! Особенно прославилась на ниве изгнания законных представителей призывников с призывных пунктов госпожа Корнилова, работавшая сначала в Калининском, затем в Выборгском военкомате Петербурга.

25 марта 2010 года Вера Карташова, мама несовершеннолетнего Сергея, вместе с сыном и еще двумя доверенными лицами пришла как раз на призывной пункт Выборгского района. Присланный заблаговременно комплект медицинских документов, свеидетельствующих о заболеваниях Сергея, хотя и полученный военкоматом, по непонятной причине не был подшит к его личному делу — и задачей группы поддержки было убедиться, что при прохождении медкомиссии в деле Карташова копии этих документов все-таки появятся.

Но на пути Веры Викторовны встала Корнилова — сначала несколько часов она не пропускала призывника и его доверенных лиц в помещение, а когда тем все же удалось проникнуть внутрь — вызвала милицию, чтобы сдать неудобных посетителей в отделение.

Из заявления «Солдатских матерей Петербурга» от 05.04.2010 года в Военную прокуратуру ЛенВО, Комитет по законности и правопорядку и другие инстанции:

«Граждане предъявили сотрудникам милиции доверенности и паспорта, пояснили, что их нахождение на призывном пункте законно, и никаких «беспорядков» они не «провоцировали». Данный факт засвидетельствовали также находившиеся в холле призывного пункта граждане. Впоследствии в этом убедились начальник отдела по вопросам законности, безопасности и правопорядка Администрации Выборгского района Дорофеев В.Т. и начальник 20 отделения

милиции, который забрал своих сотрудников, после того как конфликт был исчерпан.

Своими действиями Корнилова Е.В. сорвала проведение медицинского освидетельствования в рамках первоначальной постановки на воинский учет Карташова С.А.».

Правозащитники требовали привлечь Корнилову к дисциплинарной ответственности и обеспечить в дальнейшем беспрепятственный проход граждан на призывные пункты. Ответ, полученный ими из Военного комиссариата Петербурга — это поистине шедевр бюрократической казуистики!

Из ответа ВРИД военного комиссара Санкт-Петербурга О. Федорова Элле Поляковой от 17.05.2010:

«В ходе разбирательства установлено, что гражданин Карташов С.А. 25.03.2010 прибыл по повестке отдела на призывной пункт Выборгского района для первоначальной постановки на воинский учет совместно с его матерью, Карташовой Верой Викторовной и группой доверенных лиц.

Дежурный по призывному пункту района, старший помощник начальника отделения призыва Корнилова Е.В., выполняя указания начальника отдела, потребовала от доверенных лиц покинуть призывной пункт.

В ходе разбирательства начальником отдела по вопросам законности, безопасности и правопорядка администрации Выборгского района Дорофеевым В.Т. и начальником 20 отделения милиции, создавшаяся конфликтная ситуация была разрешена».

Это все, что в ответе сообщается о сути произошедшего. Интересно, что в целом изложение событий соответству-

ют версии правозащитников. Есть и важный новый факт: оказывается, Корнилова действовала по указанию военкома!

Чего здесь нет — так это уточнения, каким образом была «разрешена конфликтная ситуация» — кого Дорофеев вместе с начальником 20 отделения в итоге посчитали правым?.. Нигде во всем документе не сказано, соблюдала ли Корнилова права граждан и вела ли себя с ними вежливо. Ясно одно: пока что ничего не ясно. Посмотрим, может, дальнейшее прочтение документа прольет какой-то свет?

Продолжение ответа ВРИД военного комиссара Санкт-Петербурга О. Федорова Элле Поляковой от 17.05.2010:

«Со старшим помощником начальника отделения призыва Корниловой Е.В., по состоянию на 25.03.2010 года — дежурной по призывному пункту района — изучены требования «Инструкции...», и она предупреждена о недопущении неуважительного отношения к призывникам и их доверенным лицам, нарушения их прав, предоставленных законодательством.

В силу того, что старший помощник начальника отделения призыва Корнилова Е.В. выполняла обязанности (трудо-вые) дежурного по призывному пункту, ее действия не могут рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины.

В связи с этим, оснований для наложения дисциплинарного взыскания на старшего помощника начальника отделения Корнилову Е.В. нет».

Постараемся продраться сквозь тернии канцелярского изложения. Во-первых, Корнилову научили, как по закону обращаться с призывниками и их доверенными лицами. Во-вторых, предупредили, что нельзя нарушать их права и неуважительно к ним относиться. В-третьих, она выполняла

свои обязанности и поэтому ни в чем не виновата. Интересно, как удалось выяснить последнее, если не установлено, ни что именно Корнилова сделала, ни то, соответствовали ли ее действия «Инструкциям», о которых идет речь.

Вы что-нибудь понимаете? Не страшно: в этом и нет никакого смысла. Очевидно, что жалоба просто не рассмотрена по существу. А дальнейшее изучение текста ответа позволяет предположить, почему она не была рассмотрена.

Продолжение ответа ВРИД военного комиссара Санкт-Петербурга О. Федорова Элле Поляковой от 17.05.2010:

«29.03.2010 года мать призывника, Карташова В.В., ознакомилась с личным делом сына-призывника. Претензий не высказала. Призывник Карташов С.А. прошел медицинское освидетельствование, предварительное изучение, профессионально-психологическое тестирование, оценку нервно-психической устойчивости и индивидуальную беседу. Жалоб на проведение мероприятий, связанных с постановкой на первоначальный учет, не заявлял.

Решением комиссии по первоначальной постановке на воинский учет признан «В» — ограниченно годным к военной службе».

Итак, существенные претензии к военкомату, из-за которых и понадобилось приводить на призывной пункт группу поддержки, сняты — нужные медицинские документы удалось приобщить к личному делу, и Сергей получил категорию «В» — то есть не должен быть призван в армию по состоянию здоровья, иначе как в военное время. Важное замечание: это лишь предварительное решение о годности при первоначальной постановке на воинский учет. Теперь Карташова ждет еще одна медкомиссия, уже окончатель-

ная — и, если она подтвердит предшествующее заключение, молодой человек получит военный билет.

Если читать ответ между строк, получается примерно следующее: свое вы уже получили, ну что вам еще надо (кстати, если будете сильно артачиться, то итог следующей медкомиссии может быть не столь примирительным...)?

2.2. Дело «Касьянчик против Красногвардейского военкомата»

Конфликт в Выборгском военкомате — далеко не первая встреча правозащитников с Корниловой. За год до описанных событий эта же женщина работала на призывном пункте Красногвардейского района, под началом уже известного читателю Александра Бажимова — а потом вместе с ним переместилась в соседний Выборгский район.

24 июня 2009 года Оксана Касьянчик, сотрудница РОПО «Солдатские матери Петербурга», участвовала в группе поддержки сразу трех призывников, проходивших медкомиссию.

Из Акта о нарушении прав призывников и их законных представителей на призывном пункте Красногвардейского района от 24.06.2009:

«Дежурный по военному комиссариату Борисов С.А. и начальник стола явки Корнилова Е.В., применяя насилие и шантаж, вывели представителя правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» Касьянчик О.М. из помещения призывного пункта.

Примерно в 11.30 дежурный по военному комиссариату Борисов С.А. попросил Касьянчик О.М. покинуть помещение призывного пункта. В ответ на вопрос, на каком основании

Касьянчик О.М. должна уйти, и какой закон она нарушила, прозвучало нечто нечленораздельное: «...на основании приказа военного комиссара». Поскольку Касьянчик О.М. имела доверенности от призывников Максимова Р.Ю., Араблинского С.Д., Араблинского А.Д., она отказалась уходить, однако прозвучали угрозы о вызове милиции. Подскочила Корнилова Е.В. и сказала, что, если Касьянчик О.М. не покинет помещения призывного пункта, то она (Корнилова Е.В.) оставит медицинское освидетельствование и всех выгонит. Так как подобная ситуация уже имела место на призывном пункте Красногвардейского района, Касьянчик О.М. покинула помещение призывного пункта. При этом Борисов С.А. сопровождал ее до выхода и приказал дежурному больше не пускать Касьянчик О.М. на призывной пункт».

Этот акт подписали пятеро свидетелей, и на его основании Оксана Касьянчик обратилась в суд Красногвардейского района, требуя признать действия военкомата незаконными.

Однако представитель военкомата на суде отменил претензии правозащитницы.

Хотите узнать, на каком основании?

Из Решения судьи Матвеевой от 9 декабря 2009 года:

«Представительница военного комиссариата пояснила суду, что доверенность, выданная Касьянчик О.М., не может быть признана военным комиссариатом в качестве законного полномочия на представление интересов призывников. Кроме того, Касьянчик О.М. было предложено покинуть призывной пункт, поскольку она является членом правозащитной организации «Комитет солдатских матерей» и проводила пропагандистскую работу среди призывников. Также представительница пояснила, что отказ в допуске представителей призывников связан с выполнением Директивы Генерального штаба ВС РФ от 04.04.2005 о необхо-

димости принимать дополнительные меры по повышению безопасности и антитеррористической устойчивости. В сфере опасности заражения призывников инфекционными заболеваниями также доступ представителей может быть ограничен по приказу военного руководства».

Пойдем по порядку. Нотариально подтвержденная доверенность в военкомате — «незаконна». Интересно, почему? Единственное, что приходит в голову — может, комиссариат не является территорией Российской Федерации?.. Неудивительно, что суд посчитал этот довод необоснованным.

Далее: как установил суд, «не представлено доказательств того, что Касьянчик О.М. вела пропагандистскую работу, мешающую деятельности призывного пункта» (заметим в скобках, что чиновники в свойственной им манере очередной раз перепутали название организации, поименовав общественную правозащитную организацию «Солдатские матери Петербурга» «комитетом»; комитеты же солдатских матерей — организации специфические, нередко работающие рука об руку с военным ведомством в деле отлова призывников).

Ну, а антитеррористическая устойчивость, снабженная инфекционной безопасностью — это просто феерия, соловьиная песня бюрократа! Так и представляешь себе Оксану Касьянчик в коридоре военкомата, постепенно меняющуюся в лице от внезапно поразившей ее инфекционной болезни, в горячечном бреду выкрикивающую неясные угрозы террористического свойства и пытающуюся на коленке собрать из содержимого дамской сумочки взрывное устройство...

Из решения судьи Матвеевой от 9 декабря 2009 года:

«Ситуацию, когда представителя призывников вначале допустили на территорию призывного пункта, а в дальнейшем без всяких на то оснований предложили покинуть его,

невозможно признать профилактической мерой по борьбе с терроризмом, инфекционными заболеваниями».

Думаю, читатель уже догадался, что суд встал на сторону заявительницы и признал-таки действия военкомата незаконными, для ясности закрепив в своем решении незамысловатую истину: «В настоящее время каких-либо законодательных актов, ограничивающих допуск представителей на территорию призывных пунктов, действующим законодательством не предусмотрено».

К сожалению, как показало будущее, даже на поведение тех самых сотрудников военкомата выводы суда мало повлияли. Более того, нежелание пускать неблагодарных законных представителей призывников в незамутненные, хрустальные недра военкоматов привело уже к актам не только постыдным, но и омерзительным.

2.3. Денис и Ольга Суховы

Место действия следующей чудовищной истории не станет для читателя сюрпризом: это вновь обитель Александра Бажимова. 13 декабря 2010 года на призывной пункт Выборгского района был привезен Денис Сухов, захваченный милицией на улице. Он отказался проходить медкомиссию и сумел сообщить своей маме, Ольге Викторовне, что произошло, и где он находится. Мама вскоре прибыла на место и даже умудрилась прорваться в помещение военкомата.

Из заявления Дениса Сухова в военную прокуратуру петербургского гарнизона и другие органы от 15 декабря 2010 года:

«В присутствии моей матери в грубой форме от меня потребовали пройти медицинское освидетельствование. Я отказался, потому что это требование было незаконно.

Неизвестный нам сотрудник военкомата наорал на нас, требуя пройти медосвидетельствование; происходило это в коридоре в 21.30 примерно.

В это же время появился начальник отдела военкомата по Выборгскому району Бажимов (его фамилию я узнал позже), он не представился и стал кричать на сотрудников за то, что мою мать впустили в здание. После чего он приказал ее выгнать из здания. Когда мать отказалась выйти и заявила, что их действия незаконны, несколько сотрудников военкомата, в том числе и Бажимов лично, схватили ее за руки. Я рванул к матери, но меня схватили трое сотрудников военкомата, заломили руки и лишили меня возможности помочь своей матери, воспрепятствовать незаконным действиям по отношению к ней. Они грубо меня оттащили в зал, и я не мог видеть, что происходит с матерью. У меня была повреждена рука. Я испытывал страх за мать, я не знал, что с ней происходит. Я был возмущен действиями сотрудников военкомата по отношению ко мне и к ней, незаконным удержанием, грубым обращением под руководством и по требованию Бажимова. <...> Бажимов требовал, чтобы я прошел медосвидетельствование. Я отказался, тогда Бажимов взял мое личное дело призывника и вместе со мной подходил к каждому врачу и требовал, чтобы врач писал, что я годен к службе без осмотра. Когда я, наконец, согласился, опасаясь за свою мать, я прошел медосвидетельствование из трех врачей (хирург, невропатолог и, наверное, терапевт).

До этого были угрозы, если я не пройду медосвидетельствование, то меня отправят в часть к уголовникам.

В заключение по моей неоднократной просьбе меня отпустили под повестку».

- Когда маму начали выталкивать из помещения, я не мог за этим просто так наблюдать и попытался вмешаться, — вспоминает Денис Сухов. — Там было несколько молодых людей, подчинявшихся Бажимову — они, возможно, проходят альтернативную гражданскую службу в военкомате. Сначала один меня пытался удержать, потом двое — не могли удержать; наконец, втроем они меня заломали. В результате этой потасовки у меня остался шрам на пальце.

Но что же случилось с Ольгой Викторовной после того, как сына вытащили из коридора в зал?

Из заявления Ольги Суховой в военную прокуратуру петербургского гарнизона от 15 декабря 2010 года:

«По прибытии на призывной пункт я попыталась выяснить причины задержания моего сына Сухова Дениса Андреевича. Никаких документов, подтверждающих правомочность задержания моего сына служащими военного комиссариата Санкт-Петербурга по Выборгскому району, представлено не было. Мне было предложено привезти вещи моего сына и его документы на призывной пункт. В случае неподчинения один из служащих военного комиссариата угрожал направить моего сына в воинскую часть, укомплектованную военнослужащими, имевшими судимости.

Когда я указала на противозаконность их действий, четверо служащих военного комиссариата Санкт-Петербурга по Выборгскому району напали на меня, нанесли побои, повалили на пол и, схватив за воротник одежды, выволокли из помещения призывного пункта, после чего бросили меня на землю перед дверью. Следом были выброшены мои вещи. В это время моего сына, заломив ему руки, удерживали три работника призывного пункта.

После применения ко мне противоправных действий в виде побоев мною была вызвана милиция и представители РОПО «Солдатские матери СПб».

Наряд милиции, прибывший к призывному пункту, не предпринял никаких действий и порекомендовал написать заявление в отделении милиции.

После прибытия представителей РОПО «Солдатские матери СПб», которые хотели зафиксировать действия служащих военного комиссариата Санкт-Петербурга по Выборгскому району, на призывном пункте был выключен свет. В помещение призывного пункта представители РОПО «Солдатские матери СПб» не были допущены.

Факт нанесенных мне побоев и телесных повреждений зафиксирован травматологической поликлиникой Выборгского района г. Санкт-Петербурга».

Ольга Сухова написала также заявление в милицию, которая отказала ей в возбуждении уголовного дела. Это решение Ольга Викторовна опротестовала в районной прокуратуре, которая постановила «возвратить материалы КУСП в 20 отделение милиции для проведения дополнительной проверки и принятия процессуального решения». Это последний официальный ответ о расследовании на момент написания книги; будет ли возбуждено уголовное дело — неизвестно.

Семья Суховых собирается опротестовывать решение о выбранной Денису категории годности, принятое во время «медосвидетельствования», которое он описывает в своем заявлении. Молодой человек планирует подавать заявление на альтернативную гражданскую службу, но полагает, что он должен быть освобожден и от последней по состоянию здоровья.

Нападение на Ольгу Сухову обсуждалось также на упоминавшейся выше пресс-конференции в Институте региональной прессы, на которой присутствовал Александр Бажимов. Итак, прошу любить и жаловать — информация из первых рук!

Из статьи «Как крутили рекрутов» («Новая газета в Петербурге», № 95 за 2010 год):

«Далее Полякова упомянула о нарушениях закона в отношении родственников призывников.

— Одну маму удерживали в военкомате вместе с сыном. Другую, Сухову, избили в военкомате Выборгского района! Спасибо Александру Бажимову — своими действиями он доказывает, что призыв продолжать невозможно, — заявила Элла Полякова.

— Сухову действительно не пустили в военкомат, хотя она имела право пройти, — пояснил Бажимов. — Кто-то на вахте нарушил закон, сейчас мы разбираемся с этим случаем».

Кажется, здесь у нас подходящее место для высокопарного «без комментариев».

2.4. Призывные комиссии

В недрах каждого районного отделения военкомата есть много загадочных дверей, скрывающих секретные комнаты. Однако, к счастью для посетителей этой обители тайн, многие из них уже исследованы и описаны правозащитниками.

В частности, в каждом военкомате обитает две комиссии — медицинская и призывная — и именно с их деятельностью приходится сталкиваться призывникам. Медкомиссия

(МК) должна обследовать молодого человека, изучить документы, описывающие его здоровье и определить его категорию годности*. А призывная комиссия (ПК) нужна, чтобы эту категорию утвердить своим официальным решением; еще она рассматривает заявления об АГС. Соответственно, призывная комиссия как бы главнее медицинской.

В силу изменений последних лет, обе комиссии должны создаваться отдельно для каждого муниципального образования. Однако в Петербурге они, как и раньше, фактически имеются по одной на район: если в районе пять муниципальных образований, комиссия из одних и тех же людей просто имеет пять разных названий. При этом представителей муниципалитетов в ПК Петербурга нет вообще.

Между тем, правозащитники полагают, что любое разукрупнение призывных комиссий привело бы к положительным изменениям. Не говоря уже о том, что муниципальные депутаты являются последними фактически выборными представителями народа в сегодняшней России — и их решения все еще могут повлиять на вероятность их переизбрания. А значит, если бы председателем ПК, вместо главы администрации района, был глава муниципального образования, это теоретически могло бы уменьшить число незаконных решений.

- Мы пытались обжаловать практику невключения муниципалов в ПК в суде, но горсуд заволокитил это дело, — рассказывают юрист «Солдатских матерей Петербурга» Виктор Андреев. — Писали заявления в прокуратуру — тоже ничего...

* Категорий всего пять. «А» — годен. «Б» — годен с незначительными ограничениями, т.е. подлежит призыву, но не в элитные части. «В» — ограниченно годен, т.е. не подлежит призыву в мирное время. «Г» — временно не годен из-за заболевания, которое скорее всего вскоре пройдет (например, перелом и гипс), т.е. позже нужно снова проходить медкомиссию. Наконец, «Д» — не годен по состоянию здоровья.

ПК официально создает губернатор, однако делает он это «по представлению военкомата»: то есть просто подписывает готовые бумаги. В частности, губернатор Петербурга каждый год создает 111 комиссий — одним постановлением.

В состав каждой ПК обычно входит 7–8 человек. Ее председатель — всегда глава либо замглавы районной администрации. Человек это объективно занятой, поэтому в заседаниях комиссии может участвовать редко... если вообще приедет хоть раз за призыв. Заместитель председателя ПК — всегда начальник районного отдела военкомата, или, говоря по-прежнему, военком. Вот он-то всегда бывает на заседаниях ПК; иногда, как мы помним по историям призывников, прошедших через облавы, он бывает даже единственным членом призывной комиссии на ее полуночном «заседании»...

Остальные: врач, руководящий работой медкомиссии (штатный сотрудник военкомата); представитель службы занятости — нужен для принятия решений по АГС; представитель районного органа образования... и другие официальные лица.

Через призывную комиссию, по закону, должен проходить каждый молодой человек; однако, как показывает практика, собираются эти комиссии далеко не регулярно. Подчас члены ПК просто ставят постфактум подписи под готовыми решениями.

- Заседания ПК, хоть и редко в нынешних условиях, но могут принести реальную пользу, — полагает Виктор Андреев. — Например, на заседание призывник может принести медицинские документы, которые не успел представить на медкомиссию — и его отправляют на дополнительное обследование.

Решение призывной комиссии, в котором стоит неверная, с точки зрения молодого человека, категория годности

(или отказ в праве избрать альтернативную гражданскую службу), можно обжаловать в суде. Причем призывники, как правило, такие суды выигрывают.

- Суд не просто признает решение призывной комиссии незаконным, но и обязывает ее принять конкретное законное решение — например, поставить категорию «В». Поэтому военкомату уже не отвертеться, — объясняет Оксана Касьянчик. — Так что суды — реальный способ добиться справедливости.

Правда, даже имея на руках решение суда, не всегда удастся легко его исполнить. Не только сами военкоматы не спешат с этим, но и судебные приставы подчас не особенно торопятся восстановить нарушенные права истцов.

Например, Сергей Араблинский выиграл суд у призывной комиссии еще летом 2010 года: призывная комиссия обязана отменить свое предыдущее незаконное решение и поставить ему категорию «В». Но на момент написания книги — почти год спустя — это решение все еще не исполнено.

Да и обратиться за защитой в суд может позволить себе не каждый — этот вполне естественный шаг большинству россиян в силу правовой робости до сих пор кажется каким-то диким и априори обреченным на провал. А значит, реально изменить положение можно было бы, только заставив тех, кто принимает незаконные решения, отвечать за свои поступки.

Один из вариантов — наказывать рублем. Истцы могут требовать от призывных комиссий возмещения морального вреда и материального ущерба (например, если в результате призыва молодой человек потерял работу — ему обязаны будут возместить все «пропущенные» не по его вине зарплаты). Выплачивать деньги в таком случае будет субъект Федерации — ведь комиссии создаются губернатором. Однако на

момент написания книги примеров решений по таким искам нет, и их судебная перспектива не ясна: очевидно, что для судьи обязать город выплачивать деньги — не то же самое, что просто заставить ПК исправить незаконное решение. А значит, при распространенном в российских судах «телефонном праве», шансы выиграть такой иск резко уменьшаются...

- Если говорить о дисциплинарном взыскании, то его можно наложить только на военного комиссара — и то теоретически, — считает Виктор Андреев. — На практике же жалобы на него не рассматриваются. Что уж говорить про административную и уголовную ответственность — хотя вообще-то незаконное решение призывной комиссии может быть квалифицировано по ст. 286 Уголовного кодекса — превышение полномочий.

В 2005 году «Солдатские матери Петербурга» даже добились возбуждения такого дела! В Невском районе был призван молодой человек с туберкулезом, что подвергло риску жизнь и здоровье как его собственные, так и других солдат — и правозащитники попытались виновных в этом призвать к ответу. Однако дело было приостановлено, потому что... следствие не смогло установить этих самых виновных!

Это, конечно, пустая отговорка — она свидетельствует не о невозможности, а о нежелании наказывать кого-либо. Однако эта отговорка — как лакмусовая бумажка — выявляет слабое место в организации призыва.

Размытый статус призывных комиссий как коллективного органа, при том что решения их неизобретательны и являются по сути бюрократической формальностью, приводит к тому, что члены ПК не несут никакой ответственности за свои решения (хоть формально и контролируются вышестоящей ПК субъекта).

Ведь ПК должна лишь проштамповать определенную медкомиссией категорию годности: проверить, соответству-

ет ли она диагнозам призывника, прописанным в «Расписании болезней». Эту механическую работу прекрасно может выполнять один человек — в таком случае и вся ответственность лежала бы на нем. Причем желательно, чтобы этим человеком был не военком, а гражданский, не получающий жалования в Министерстве обороны.

На самом деле, можно сходу придумать еще десяток возможностей так исправить призывной процесс, чтобы ответственность не растекалась, как вода по столу — в результате сразу многократно уменьшилось бы число незаконных решений. Но именно это нежелательно для тех, кто организует призыв — при той полноте и четкости, с которой составлено «Расписание болезней», законным путем просто не получится набрать забиваемое в план огромное (и ненужное) количество призывников.

А значит, пока не будет реальной политической воли переломить ситуацию — все останется по-прежнему.

2.5. Денис Адамович

Военный комиссариат — важнейшее явление в жизни российского общества, это такое проявление социального бытия, мимо которого не может пройти практически ни один гражданин страны, такое же самобытное как школа, или полумифическое в восприятии обывателя «правительство». Вокруг военкомата существует много предрассудков и предубеждений, анекдотов, всегда ярко эмоционально окрашенных. И ядром этого конгломерата чувств, безусловно, оказывается медицинская комиссия. Именно медкомиссия — «визитная карточка» военкомата, именно с ней в первую очередь ассоциируется комиссариат у россиянина.

Хотя вообще-то медкомиссия — орган с очень четко определенными полномочиями: на основании медицинских

документов призывника она должна составить клиническую картину и, в соответствии с «Расписанием болезней», определить ему категорию годности. В случае необходимости медкомиссия может поставить перед ПК вопрос о направлении молодого человека на дополнительное обследование. Важно при этом, что МК не имеет права ни определять, ни изменять диагноз, поставленный призывнику в гражданских медучреждениях — у нее нет для этого ни законных полномочий, ни лицензии.

Однако на практике ореол всесильности, созданный медкомиссии еще в советские времена, часто преобладает над требованиями закона. Врачи, входящие в нее, часто по собственному усмотрению принимают во внимание только те документы, какие считают нужным, игнорируя предписания «Расписания болезней», изменяют диагнозы.

Характерный пример такого поведения — дело Дениса Михайловича Адамовича. Он прошел медкомиссию в ноябре 2008 года в Красногвардейском военкомате и, неожиданно для себя, вопреки мнению лечащих врачей, был признан годным к военной службе. Призывная комиссия вынесла решение о его призыве.

Воспользовавшись помощью «Солдатских матерей Петербурга», Денис обратился в суд, потому что считал, что при его состоянии здоровья служить не может.

Из заявления Дениса Адамовича 08.12.2008:

«В 2006 году у заявителя произошёл разрыв легкого, был поставлен диагноз спонтанный левосторонний пневмоторакс (прилагается выписка из медицинской карты). 19.06.2006 заявителю была диагностирована бронхиальная астма смешанного генеза (прилагается справка). 07.10.2008 заявителю были установлены начальные проявления эмфиземы легких, хронический бронхит (прилагается заключе-

ние по компьютерной томографии от 07.10.2008). 06.11.2008 заявителю были диагностированы буллёзная эмфизема легких, первичный спонтанный пневмоторакс левосторонний от 2006 года (прилагается консультативное заключение от 06.11.2008). При этом, в соответствии со ст.ст. 51 п. «б», 52 п. «в», 83 п. «в» расписания болезней (утв. Постановлением Правительства от 25.02.03 № 123) заявитель должен был быть признан «В» — ограниченно годным к военной службе и зачислен в запас».

На суде представители военкомата пытались вертеться. Например, они заявляли, что никакого решения о призыве не было, а было решение об отсрочке, и поэтому Денису нужно пройти еще одну медкомиссию.

Из Дополнительных письменных объяснений Дениса Адамовича :

*«По сути, юридическая позиция заинтересованных лиц сводится к следующему: Адамовичу Д.М. была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу от 10.06.2008, но его **случайно/ошибочно** вызвали на медицинское освидетельствование от 10.11.2008, провели заседание призывной комиссии 18.11.2008, **случайно/ошибочно** выдали выписку из протокола заседания призывной комиссии от 18.11.2008, **случайно** выдали повестку на контрольную явку на 12.12.2008. Заявитель полагает, что такая юридическая позиция заинтересованных лиц является юридически некорректной, неэтичной тактикой защиты в судебном процессе».*

К счастью, доводы сотрудников военкомата легко разбивались, так как противоречили множеству документов. Но уже само желание военных «откатить» свое решение о призыве и восстановить статус-кво на момент «до прохождения медкомиссии» говорили о том, что они прекрасно понимали,

сколь шатко их положение. Поэтому нет ничего странного в том, что Денису «пошли навстречу» и поставили категорию «В», не дожидаясь решения суда. Адамович отказался от иска, а факт нарушения как бы замялся сам собой.

- Если медкомиссия незаконно ставит категорию годности, это относительно легко доказать в суде, — полагает Виктор Андреев. — Более того, около 30% процессов даже не приходится доводить до конца, как это произошло и с Адамовичем: представителям военкомата проще побыстрее вынести законное решение, чтобы не раздувать конфликт.

2.6. Артем Иоселевский

Но не всегда врачи действуют столь нагло, просто «не замечая» заболеваний человека. Есть распространенная практика оттягивать с окончательным решением — то есть ставить призывнику категорию «Г», требующую повторных освидетельствований, вместо «В» или «Д», освобождающих от призыва.

Из жалобы Людмилы Иоселевской, матери Артема Иоселевского, в прокуратуры разных уровней, а также в военкомат Санкт-Петербурга от 08.12.2010:

«Мой сын Артем с января 1995 года является инвалидом детства, диагноз: бронхиальная астма, атопическая, гормонозависимая, тяжелая степень, стадия неполной медикаментозной ремиссии. Все медицинские документы (с 1994 по 2010 годы) и заявление о годности моего сына были мною посланы в военный комиссариат Фрунзенского района.

Заболевание моего сына подпадает под ст. 52 приложения к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 123 от 25.02.2003 г., в связи с чем мой сын не подлежит призыву на военную

службу, и ему должна быть присвоена категория годности «Д». Однако, вопреки закону, врач-терапевт превысила свои полномочия, единолично изменила диагноз — поставила Артему ст. 53, категорию годности «Г», и без решения отправила на повторное обследование».

На первый взгляд, такие действия врачей кажутся нелогичными. Даже если предположить, что их задачей является любой ценой загнать в армию как можно большее число молодых людей и выполнить план призыва — зачем оттягивать неизбежное? Ведь очевидно, что Артема Иоселевского с его заболеваниями нельзя призвать, и нельзя будет призвать никогда впредь?

Для знакомого с практикой призыва человека этот вывод не столь очевиден. Во-первых, молодого человека, которому поставили категорию «Г», можно отправить на дополнительное обследование. О том, кем и как проводятся эти обследования, речь пойдет ниже; однако очевидно, что хотя бы в рамках случайности качество обследования в некоторых случаях может оказаться не на должном уровне, и врачи не подтвердят ранее поставленный диагноз. Что позволит медкомиссии на полном основании поставить призывнику один из вариантов категории «Б» и отправить его в армию. Конечно, если призывник или его родители окажутся настырными и станут жаловаться в суд, молодой человек, скорее всего, останется на свободе — но, как ни странно, людей, готовых отстаивать как свои права, так и права своих детей, в России все еще ничтожно мало... А готовых дать взятку (даже в таких случаях, как этот, когда справедливость очевидно на их стороне) — очень много.

Другой способ использовать категорию «Г» против даже тяжело больных призывников связан с отсрочками от призыва. Подробнее мы поговорим об этом в четвертой главе.

В особо запущенных случаях отфутболивание молодых людей при помощи категории «Г» превращается в некий род пинг-понга, когда бесконечные «дополнительные обследования» следуют одно за другим.

Однако семье Иоселевских сопутствовала удача: одной грамотно составленной жалобой сразу в несколько прокуратур хватило, чтобы тон разговора официальных лиц резко изменился. Артему поставили категорию «В» и выдали военный билет. Куда меньше повезло нашему следующему герою.

2.7. Александр Кисельников

Александр Кисельников состоит на диспансерном учете у невропатолога, имеет сколиоз и плоскостопие в стадиях, подпадающих под статьи 66 и 69 «Расписания болезней», что дает основание для признания его ограниченно годным к военной службе (категория «В»). Все диагнозы, естественно, подтверждены документами.

Однако медицинская и призывная комиссии Василеостровского военкомата поставили ему «Г», чтобы повторить обследование через полгода. Тогда мама Александра, Елизавета Олеговна, получив от сына доверенность, при поддержке «Солдатских матерей» обратилась в суд.

Из Жалобы Елизаветы Кисельниковой на сайт Коррупции.Нет:

«На судебном заседании представитель военкомата и я пришли к соглашению о проведении повторного обследования в поликлинике по месту жительства с заполнением акта обследования состояния здоровья. В случае подтверждения диагноза призывная комиссия обязана была дать заключение о категории годности моего сына в соответствии с его состоянием здоровья.»

Рентгенологическое обследование подтвердило диагноз, поставленный ранее. О чем свидетельствует заверенный круглой печатью акт обследования состояния здоровья».

После подтверждения диагноза все разумные и полуразумные доводы военных были отвергнуты, и 1 апреля 2010 года призывная комиссия Василеостровского военкомата определила-таки Александру категорию «В» — как и Денису Адамовичу, не дожидаясь решения суда. Но злоключения Кисельниковых на этом, к сожалению, не закончились.

По закону, в течение десяти дней категорию годности должна была подтвердить или опровергнуть городская призывная комиссия. В первом случае Александру обязаны были выдать военный билет, во втором — принять иное решение, например, назначить дополнительные обследования.

Однако даже первой реакции призывных властей пришлось ждать целый месяц.

Из Жалобы Елизаветы Кисельниковой на сайт Коррупции.Нет:

«9 марта вне рамок призыва нас пригласили в военкомат на «консультацию» хирурга городской призывной комиссии. Несмотря на то, что мы предоставили рентгеновские снимки и заключения трех разных врачей и акт обследования состояния здоровья вместе с повторными рентгеновскими снимками, сделанными в поликлинике по месту жительства, хирург городской призывной комиссии Брайлов Александр Львович объявил нам, что все эти диагнозы недействительны.

Я заблаговременно изучила всю законодательную базу по этому вопросу и не вижу ни одного основания, по которому наши диагнозы могли бы считаться недействительными.

Согласно этим законодательным актам, врачи призывной комиссии обязаны изучить документы, предоставленные призывником, определить категорию годности и вынести заключение. Нигде не сказано, что врач призывной комиссии имеет право решать, где и у какого именно врача будет обследоваться призывник и огульно опровергать диагнозы врачей, значительно превосходящих его по квалификации (ортопедами кандидатами и докторами медицинских наук травматологии и ортопедии).

До меня неоднократно доходили слухи о том, что, даже имея законные основания, невозможно добиться подтверждения диагноза в городской призывной комиссии без дачи взятки. При этом врачи городской призывной комиссии не боятся никаких проверок, хотя все диагнозы абсолютно настоящие. Без взяток, видимо, законные документы, подтверждающие наличие диагнозов, ПРОСТО НЕ ПРИНИМАЮТ, как в нашем случае. Другими причинами я не могу объяснить, почему мои документы приняли к рассмотрению в районном военкомате только после обращения в суд, с какой целью в районных военкоматах проводятся «предварительные консультации» с хирургом городской призывной комиссии и почему мне заявляют, что предоставленные нами документы ничего не значат».

Елизавета Кисельникова начала жаловаться во все возможные инстанции, требуя, чтобы Александра Брайлова заставили исполнять закон (в это же время она написала и приведенную здесь жалобу на сайт Коррупции.Нет). В итоге 7 июля 2010 года ее сына вновь вызвали на городскую призывную комиссию, где прошло его контрольное медицинское освидетельствование (КМО).

- Интересный момент: на сайте Коррупции.Нет гаран-

тируется: те, на кого написана жалоба, об этом не узнают, — рассказывает Оксана Касьянчик. — Но когда Александр с мамой пришли на контрольное освидетельствование, хирург, потрясая ее жалобой, рассказывал, какая она плохая! И попутно проводил ей ликбез на тему рентгенологии...

Итог закономерен: Кисельникову подтвердили категорию «Б-4» — годен к службе с незначительными ограничениями. Мама вновь стала жаловаться; ответы же на ее жалобы — это просто фантазмагорическая паутина глупости и лжи.

Из ответа врио военного комиссара Санкт-Петербурга Рефата Аппазова Елизавете Кисельниковой от 16 августа 2010 года:

«В соответствии с п. 22 Положения «О ВВЭ» «медосмотр и КМО осуществляется врачами: хирургом, терапевтом, невропатологом, психиатром, окулистом, отоларингологом, стоматологом, дерматовенерологом, а в случае необходимости — врачами других специальностей.

Следуя этому требованию, в качестве консультанта был приглашен представитель кафедры военной травматологии и ортопедии ВМедА им. С.М. Кирова, кандидат медицинских наук Ерохов А.Н.

*В результате медицинского освидетельствования **установлен диагноз** (выделение сделано автором книги — А.Б.): <...>. Решением призывной комиссии города Санкт-Петербурга Кисельников А.Н. признан годным к военной службе с незначительными ограничениями (категория Б-4).*

То есть господин Аппазов официально признается, что во время КМО врачи сами поставили человеку диагноз!.. Но, может быть, на всех правозащитников, занимающихся вопросами призыва, внезапно нашло затмение? Может быть,

они просто все разом забыли, какие права есть у медицинских комиссий военкоматов? Может, плохо разобрались в законах?

А ведь точно! Вот еще одно письмо из военного ведомства, проливающее свет и открывающее глаза.

Из ответа врио начальника медицинской службы Ленинградского военного округа Ю. Басова Елизавете Кисельниковой:

«Право врача медицинской комиссии при освидетельствовании граждан во время призыва на «установление» диагноза с учетом состояния здоровья предусмотрено в п. 4 «Положения о ВВЭ» и п. 50 «Инструкции о порядке проведения ВВЭ и медицинского освидетельствования в ВС РФ» (приложение к приказу МО РФ от 20.08.2003 г. № 200)».

И Елизавета Олеговна, и ваш покорный слуга следом за ней ознакомились и с п. 4 «Положения», и с п. 50 «Инструкции». Приводить их здесь целиком — занятие не особенно разумное, ибо слишком длинно. Но в целом смысл четвертого пункта сводится к определению того, что такое медосвидетельствование: «Под медосвидетельствованием понимаются **изучение, оценка** состояния здоровья и физического развития граждан на момент освидетельствования в целях определения их годности к военной службе». Пункт 50 разжевывает практически то же самое, но более подробно. Слова «диагноз» нет ни там, ни там.

Конечно, можно отметить, что формулировка «установление диагноза», использованная в обоих ответах, отличается от общепринятого «постановка диагноза». То есть установить — значит выявить то, что уже было, а не сварганить что-то новое. Однако в приложении к данному кон-

кретному случаю, так и так получается, что Александр Брайлов, а следом за ним и «кандидат медицинских наук Ерохов А.Н» не правы — ведь они имевшийся диагноз отменили и по собственному разумению поставили новый, не проводя дополнительных обследований, что закон категорически запрещает.

Не найдя правды в глухих коридорах власти, Кисельниковы вновь обратились в суд.

- Суд назначил свою экспертизу, постановив провести ее в Городском бюро судебно-медицинской экспертизы, — рассказывает Виктор Андреев, представляющий истцов в процессе. — Однако мы посчитали это учреждение неподходящим для экспертизы, и Александр прошел ее в Первой городской независимой военно-врачебной экспертной комиссии.

2.8. Список больниц и Александр Араблинский

Чем закончится судебное разбирательство, на момент написания книги неизвестно. Однако можно предполагать, что судья встанет на сторону Кисельниковых — ведь все реальные медицинские документы говорят о том, что заболевание молодого человека подпадает под категорию «В». Против говорит только «диагноз», поставленный на контрольно-медицинском освидетельствовании. В основу этого «диагноза» положены документы, которых НЕТ — врачи военных утверждали, что для правильного определения степени искривления позвоночника нужно делать рентген в лежачем положении (а его как раз не делали). Правда, ни в каких инструкциях таких требований нет; и даже с точки зрения обычной логики утверждения военных выглядят странно: выполняя боевые задачи, солдат вряд ли сможет все время лежать...

Однако случай Александра Кисельникова в этом разрезе довольно удачен для него: в поликлинике по месту жительства, куда его направил военкомат, диагноз института подтвердили. Между тем часто результаты повторного обследования, назначенного по результатам медосмотра, расходятся с теми, которые призывник получил во время самостоятельного сбора меддокументов. Само собой, в этом случае врачи военкомата «доверяют» тем исследованиям, которые проводились по их направлению — и, по странному стечению обстоятельств, новые диагнозы практически всегда выявляют «улучшение» в состоянии здоровья призывника, позволяющее отправить его в армию!

Существует древняя истина: хочешь получить «правильный» ответ — хорошо подумай, кому задавать вопрос. И организаторы призыва подумали — заранее.

В первый раз установленный городской властью список больниц и медцентров, аккредитованных на работу с военкоматами, появился в начале 2000-х. Это была инициатива губернатора, в принципе продиктованная благими намерениями: ведь на тот момент оплата дополнительных обследований возлагалась на бюджет города. Вот город и определял, кому именно он согласен — и имеет право по закону — платить.

Однако уже в 2007 году ситуация изменилась: оплачивать эти расходы, как и остальные медицинские процедуры, стали страховые компании. А значит, выбор клиники, в которой имеет право обследоваться человек, возлагается теперь на самого этого человека — в рамках правил страхователя. Эти правила довольно сложны, но одно очевидно: какие-либо указания со стороны правительства города здесь значения не имеют.

Однако... распоряжение со списком «правильных» больниц продолжает издаваться из года в год**. (Надо ли добавлять, что этот список тщательно согласовывается с военным комиссариатом?). Основаны распоряжения на Приказе Министерства обороны 2001 года, который для нынешних реалий давно устарел, но никем не был отменен.

Правозащитники несколько раз пытались обжаловать законность вынесения распоряжения о больницах в разных инстанциях — но тщетно. Подали даже в Верховный суд требование признать недействительным ту часть приказа 2001-го года***, где говорится о списках медучреждений. Суд заявителям отказал, но логика его отказа при этом чрезвычайно интересна.

Из Решения Верховного суда Российской Федерации по делу № ГКПИ09-515 от 10 июня 2009 года:

«Оспариваемые предписания не запрещают представлять в подтверждение состояния своего здоровья при медицинском освидетельствовании, обследовании (лечении) медицинские документы из любых медицинских учреждений, независимо от их формы собственности. Запрета в рассмотрении таких документов <оспариваемые положения> не содержат».

То есть, раз список больниц не является исчерпывающим, то нет необходимости отменять Приказ. Ну, хотят чиновники и дальше тратить время, чернила и бумагу на ничего не определяющие распоряжения — пусть тратят...

** Называется оно Распоряжение Комитета по здравоохранению «О государственных учреждениях здравоохранения, осуществляющих медицинское обследование и лечение призывников Санкт-Петербурга».

*** Речь о Приказе Министра обороны РФ и Министерства здравоохранения РФ от 23 мая 2001 г. № 240/168.

При этом Верховный суд ставит точку: врачи медкомиссии обязаны рассматривать любые медицинские документы, полученные в лицензированных центрах (в том числе и тех, где платит не страховая компания, а сам пациент — из своего кармана).

В общем, с точки зрения закона, выпускать такие распоряжения можно — вот только необходимости в этом никакой не видно, так как реальной ценности они не имеют. Если не считать того неформального смысла, которым «оброс» список больниц в глазах чиновников военкомата.

- Врачи медкомиссий говорят, что они «доверяют только тем медучреждениям, которые есть в списке», — рассказывает Оксана Касьянчик. — Такое «доверие» или «недоверие» не основано ни на каких законодательных нормах. Более того, врачи во время призывной комиссии, единолично вынося решение о повторном обследовании призывника, сами выбирают, в какой центр его направить, и даже выписывают направление!

Все эти направления, как можно догадаться, — только в медучреждения, имеющиеся в пресловутом списке; причем иногда указывается даже конкретный врач, к которому должен пойти молодой человек! Такая избирательность наводит на неприятные размышления, особенно если учесть, что по результатам повторных обследований призывники довольно часто, хоть и неожиданно для самих себя, «выздоровливают» настолько, чтоб им можно ставить категорию годности «Б». (Выздоровление, конечно, сюрприз приятный — если только оно настоящее, но при обследовании у врача все диагнозы таких везучих призывников, как вы догадываетесь, оживают вновь.) А когда у медкомиссии есть два противоречащих друг другу диагноза, кто может продиктовать ей, какой посчитать верным?.. Если же этот выбор не устроит призывника, у него

остаётся единственный способ отстоять свои права — суд.

Между тем, правозащитники считают, что в военкомате не имеют права выбирать учреждение для проведения обследований.

- Если врачи медкомиссии не согласны с диагнозом, в первую очередь они обязаны направить запрос в то медучреждение, где наблюдается призывник. Этого практически никогда не делается, — объясняет Ольга Васильевна Павлова, сотрудник РОПО «Солдатские матери Петербурга». — Если же после получения ответа комиссии все еще недостаточно данных, они могут рекомендовать призывной комиссии направить его на повторное обследование. Но даже если ПК согласится, окончательное решение должен принимать лечащий врач молодого человека, в соответствии с утвержденными стандартами.

Действительно, ответственность за состояние здоровья пациента лежит на его лечащем враче. Кроме того, только последний может определить, соответствует ли требование о дополнительном обследовании медицинским стандартам.

Например, томография — исследование крайне дорогостоящее, и делать его за счет страховой компании можно лишь со строго определенной периодичностью. Рентген, напротив, дешев — но опасен для здоровья. И если призывник, не дай бог, пострадает от слишком частого «просвечивания», отвечать за это будут не призывная или медицинская комиссии военкомата, а лечащий врач.

Соответственно, по той же причине — из-за возложенной на него ответственности — именно лечащий врач должен выбирать учреждение для дополнительного обследования (конечно, при согласовании с пациентом). Конечно, он может учесть пожелания призывной комиссии... но не обя-

зан этого делать.

К сожалению, пока механизм обращения к лечащему врачу в таких случаях не отработан. Однако «Солдатские матери Петербурга» уже пытаются его внедрить.

Призывник Александр Араблинский получил направление призывной комиссии на «повторное обследование» в Мариинскую больницу. Однако, вместо того чтобы идти на поводу у врачей военкомата, он поступил умнее: пошел на прием к своему лечащему врачу и спросил, требуется ли ему дополнительное обследование в соответствии с медицинскими стандартами. Врач сверился с инструкцией и определил, что не требуется, о чем сделал соответствующую запись в медкарте пациента.

Получив выписку из своей карты, Александр Араблинский снова пришел к лечащему врачу и на сей раз показал ему направление призывной комиссии. Неизвестно, как отнесся бы доктор к этому направлению, не сделай Александр предохраняющих его предварительных шагов — однако в этой ситуации врач вынужден был составить акт о том, что его пациенту не требуется дообследование. Во-первых, потому что оно может нанести ему вред излишними лучевыми нагрузками, а во-вторых, потому что в результате будет иметь место нецелевое использование денежных средств.

Итак, вместо результатов повторного обследования Александр Араблинский принес в военкомат этот акт. К сожалению, на момент написания книги пока неизвестно, чем закончилась борьба упорного призывника за свои права.

2.9. Ирина Павлова

Ознакомившись с тем, как работают медицинские комиссии, поговорим теперь немного о них самих.

Главой комиссии всегда является врач, состоящий в

штате военного комиссариата. Он подписывает решение медиков по каждому призывнику и представляет его на заседании призывной комиссии.

Но откуда берутся остальные доктора? По закону, они должны быть гражданскими лицами, работающими в обычных поликлиниках, главврачи которых «откомандировывают» своих сотрудников на работу в военкомат. Однако на практике такие «прикомандированные» по месту своей официальной работы никогда не появляются: числясь за поликлиниками и получая там зарплату, эти полумёртвые души работают исключительно в военкомате. Да и попасть на должность такого врача можно, лишь заручившись поддержкой военкома...

Мало того — стоило копнуть поглубже, как оказалось, что и этой формальной привязки к гражданскому здравоохранению у врачей медкомиссий может не быть!

Из Жалобы Ирины Павловой, матери призывника Кирилла Павлова, в Минздрав, прокуратуру Санкт-Петербурга и другие инстанции от 27.10.2010:

«12.09.2010г. мой доверитель Кирилл Павлов направил главе администрации Калининского района Санкт-Петербурга, начальнику отдела военного комиссариата Санкт-Петербурга по Калининскому району и военному комиссару Санкт-Петербурга запрос о персональном составе призывной комиссии и комиссии по медицинскому освидетельствованию граждан, подлежащих призыву на военную службу в период с 01.10.2010 г. по 31.12.2010 г.

От администрации Калининского района Санкт-Петербурга получен ответ, в соответствии с которым в персональный состав врачей-специалистов и среднего медицинского персонала, привлекаемых для медицинского освиде-

тельствования граждан, подлежащих призыву на военную и альтернативную гражданскую службу в Калининском районе Санкт-Петербурга, включены врачи-специалисты от ГУЗ «Городская поликлиника № 112»: терапевт — Шевченко Виталий Борисович, невролог — Николаева Екатерина Анатольевна.

Однако от главного врача ГУЗ «Городская поликлиника № 112» получено письмо о том, что указанные специалисты в штате данного учреждения здравоохранения не состоят!

Возникает закономерный вопрос: является ли утвержденный администрацией Калининского района Санкт-Петербурга персональный состав комиссии по медицинскому освидетельствованию подлежащих призыву на военную и альтернативную гражданскую службу граждан легитимным и имеющим соответствующие полномочия?»

В своей жалобе Ирина Борисовна просит возбудить по обнаруженным ею фактам административное либо уголовное дело. Прокуратура ответила ей отказом, однако и этот отказ, вместе с ответами других инстанций, поставил еще больше вопросов. Итак, попробуем не запутаться.

Прокуратура утверждает, что Екатерина Николаева работает не в 112, а в 54 поликлинике, а Виталий Шевченко работал в 112, но был уволен 10 сентября 2010 года. Последнее, по мнению прокуратуры, видимо, позволяет Шевченко работать в медкомиссии, так как, по закону, заявки военкоматов на врачей подаются в поликлиники как раз до 10 сентября (хотя непонятно, почему главврач поликлиники согласился отправить в медкомиссию практически уволенного врача).

Администрация же Калининского района неожиданно

выдвинула третью версию: оттуда пришел ответ, что Николаева работает уже в поликлинике № 86, а Шевченко был переведен из 112-й в 96-ю.

Наконец, из самой 112-й поликлиники приходит ответ, что Виталий Шевченко был уволен аж 8 августа 2010 года!

- Как мог военкомат писать заявку на Шевченко в сентябре в 112-ю поликлинику и получить согласие, если он еще в августе был уволен? — недоумевает Ирина Павлова, собравшая информацию из всех этих ответов и составившая из нее новую жалобу. — Очевидно, что в этом деле царит абсолютная неразбериха, и чиновники даже не особенно утруждают себя, чтобы привести это хотя бы в видимость порядка.

Ответов на последнюю жалобу Ирины Борисовны на момент написания книги еще не поступало.

Между тем, юридический статус врачей медкомиссии может быть важен не только как формальность. Не так давно правозащитники пришли к выводу, что в случае несогласия призывника с тем, как проходит медосвидетельствование, ему куда разумнее обжаловать в суде не решение призывной комиссии, а действия врача, который мог способствовать его принятию. Правда, для этого заявление нужно успеть подать до того, как призывная комиссия вынесет решение — но зато процесс становится гораздо более прозрачным.

- Если мы знаем, что конкретный врач, прочитав в диагнозе призывника «множественные проявления» какой-либо болезни — пишет в своем заключении «единичные проявления»; или «забывает» перенести из диагноза одно слово (а это изменяет категорию с «В» на «Б») — то отвечать должен именно этот врач, — полагает Оксана Касьянчик.

Будет ли такая практика реально работать — покажет будущее.

Глава 3. Личное дело

«На каждой площадке со стены глядело все то же лицо. Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ, — гласила подпись».

Джордж Оруэлл, «1984»

3.1. Артемий Алейнер

Военный комиссариат хранит не только свои, но и чужие тайны. Все граждане мужского пола перечтены здесь и находятся под наблюдением. В личных делах аккумулируется любая информация, которая может быть полезна военным.

Например, здесь хранятся адреса родственников призывника — чтобы можно было найти его, если он попытается скрыться от призыва. Здесь можно обнаружить психологический портрет молодого человека, составленный на основании анкет. И, как ни странно, сведения о его собственности и доходах его родителей...

Но, конечно, главная составляющая заветной папочки — медицинские документы, которые должны описывать истинное состояние здоровья призывника.

Правила ведения личного дела прописаны в приказе Минобороны № 400.

- Это хорошие правила, — считает Оксана Касьянчик. — Установлены формы, как заполнять дело. Правда, нет инструкции по делопроизводству — о том, каким образом правильно собирать сведения. И, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев дело ведется не соответствующим

приказу образом: нет описи, нет нумерации страниц — вытаскивай, вкладывай, что хочешь...

Как показывает правозащитная практика, эти «недочеты» в ведении личных дел — не простая безалаберность работников военкомата: слишком часто не описанные и не подклеенные медицинские документы, в том числе и подлинники, «теряются» — пропадают из дела без следа.

Расшифровка фрагмента аудиозаписи, сделанной доверенным лицом призывника, Погодиной Тamarой Евгеньевной, во время посещения военкомата Фрунзенского района:

«Погодина: Я сейчас в военкомате, знакомясь с личным делом. Вырвано все – все с корнем, абсолютно. Ни одной бумаги, ни медицинского освидетельствования, ничего вообще нет. Чувствую себя не очень, меня потряхивает».

Само собой, если человек знает, что с его делом что-то не в порядке, он попытается это исправить: пропавшие документы заменить, и проследить, чтобы на этот раз их подклеили и описали по всей форме. Логичной выглядит и встречающаяся реакция — затруднять, насколько это возможно, доступ интересующихся к личным делам — особенно если предположить, что документы пропадают оттуда не случайно.

Из жалобы РОПО «Солдатские матери Петербурга» в военную прокуратуру Петербургского гарнизона от 07.12.2010:

«6 декабря граждане Бильдин Е.А., Алейнер И.В. (доверенное лицо призывника Алейнер А.С.), Павлова И.Б. (доверенное лицо призывника Павлова К.А.) обратились в приемное время к начальнику отделения призыва Отдела военного комиссариата СПб по Калининскому району Лашко О.А. с просьбой ознакомить их с материалами личных дел призывников Бильдина Е.А., Алейнера А.С и Павлова К.А.

Пункты 10, 11, 12, 13 Приложения к Приказу МО № 500 от 28.12.2006 устанавливают правила приема граждан должностными лицами. В нарушение правил приема граждан должностными лицами Лашко О.А. 6 декабря фактически не провел прием указанных граждан, не разобрался в ситуации, с которой они обратились, а отправил их на призывную комиссию».

Артемий Алейнер и представляющая его интересы мама Ирина много раз пытались ознакомиться с личным делом. Получая отказы в самом военкомате Калининского района, они писали требования военкому города. Тот давал им свое разрешение — но, приходя с ним в военкомат, Алейнеры все равно не могли добраться до сокровенной папки. Сотрудники отказывали им, несмотря на прямое распоряжение своего руководства!

Оставалось обращаться в суд. Интересно, что даже в зал заседаний юрист военкомата принес не само личное дело, а его копию. Несмотря на столь упорное сопротивление со стороны призывного ведомства, судья согласился с доводами Алейнеров и постановил: ознакомить!

Правда, решение это до сих пор не вступило в законную силу — его обжаловали в кассации, и чем кончилась тяжба, на момент написания книги неизвестно.

Описанная ситуация — когда призывники или их представители приходят в военкомат знакомиться с личным делом, но возвращаются не солоно хлебавши — распространена повсеместно. Хотя это абсолютно незаконно.

Начать с того, что обязанность органов власти обеспечивать людям доступ к «информации, непосредственно касающейся их прав», закреплена в части 2 статьи 24 Конституции. То, что личное дело призывника касается его прав, — очевидно.

Есть и специальный закон — №8-ФЗ «О доступе к информации», разъясняющий это положение Конституции.

- Военкоматы — это органы власти, — комментирует Дарья Сухих, руководитель юридического направления Института развития свободы информации. — А значит, в соответствии с Федеральным законом № 8, как и все другие органы власти, обязаны предоставлять информацию в полном объеме. Конечно, так как в личных делах содержатся персональные данные, они не могут быть открыты третьим лицам — но для самих призывников и их законных представителей содержание дел не может быть тайной.

Между прочим, за неправомерный отказ в предоставлении информации предполагается ответственность. И это не только выговоры или порицания от руководства (которое, как показывает практика, старается прикрывать своих подопечных), но и административный штраф по статье 5.39 Кодекса об административных правонарушениях — до трех тысяч рублей. Причем этот штраф должен выплачивать непосредственно тот сотрудник, который нарушил закон — из своего кармана.

- Существует и уголовная ответственность за «неправомерный отказ должностного лица в предоставлении материалов, непосредственно затрагивают права и свободы гражданина, если он причинил вред правам и законным интересам граждан» — статья 140 УК РФ, — поясняет Дарья Сухих. — Но, к сожалению, она на практике пока не применяется. В том числе потому, что законодатель не раскрыл понятие «причинения вреда».

Однако дело не только в юридическом несовершенстве законов — но и в том, что современные российские надзорные органы не спешат возбуждать дела против сотрудников Минобороны, отделяясь от жалоб граждан и правозащитников отписками.

3.2. Кирилл Павлов

К сожалению, привлечение виновных в сокрытии информации к ответственности — это дело будущего. Пока что на повестке дня — хотя бы заставить призывные комиссии правильно вести личные дела, включать туда все положенные по закону материалы.

Чтобы сделать это, гражданам приходится обращаться в суд. Ирина Борисовна Павлова, мама и представитель по доверенности призывника Кирилла Павлова, затеяла как раз такую тяжбу с военкоматом Калининского района.

- Мне удалось ознакомиться с личным делом сына в декабре 2010 года, и там недоставало множества важных документов. Я обратилась в суд с требованием их подшить, — рассказывает Ирина Борисовна. — Каково же было мое удивление, когда в копии личного дела, которую представители военкомата принесли в суд, не оказалось даже тех документов, которые были в нем в декабре!

Отдельное возмущение настойчивой матери призывника вызывает то, что юристы комиссариата наотрез отказываются принести в суд само личное дело — несмотря на требование суда!

- Вместо дела они собираются предоставить справку о том, что «не уполномочены носить его в суд», — удивляется Ирина Борисовна. — Где, как и каким образом может быть прописано или не прописано такое «полномочие» — абсолютно непонятно!

Между тем, документы, о которых идет речь, имеют решающее значение в дальнейшей судьбе Кирилла Павлова. Это результаты медицинских исследований, которые должны были быть приобщены к делу еще в 2005 году (Кирилл прошел тогда медосвидетельствование, но так и не получил

военный билет: поступил в университет им. Бонч-Бруевича и получил отсрочку), а также заявление на альтернативную гражданскую службу — их в деле нет. Нет даже тех документов, которые были нарочно направлены в военкомат через третьи руки — администрацию Калининского района (Ирина Борисовна предусмотрительно отправила копии в администрацию, и получила оттуда ответ, что материалы переправлены в военкомат).

На момент написания книги суд еще не вынес решения по иску Павловой.

3.3. Александр Иванов* и Дмитрий Коршунов

Личное дело призывника начинает наполняться информацией за несколько лет до его совершеннолетия. Для этого военкоматом проводится специальное мероприятие, называемое «первоначальная постановка на воинский учет» (ППВУ). Занимается ППВУ особая комиссия, которой руководит начальник отделения военного комиссариата. По результатам своей работы комиссия должна выдать каждому юноше маленькую книжечку — приписное свидетельство, в котором указывается предварительная категория годности будущего призывника (те же буквы от «А» до «Д», что и при окончательном определении годности по достижении 18 лет).

Поэтому самой постановке на учет должна предшествовать его подготовка — то есть сбор медицинских данных.

- Несмотря на то, что подготовка к ППВУ подробно описана в приказе Минобороны, очень часто она проводится спустя рукава, — рассказывает Оксана Касьянчик. — Военкомат должен отслеживать состояние здоровья молодых

* В данной истории произведена замена фамилии на вымышленную.

людей — для этого запрашиваются их медицинские документы из диспансеров и поликлиник, к которым они приписаны. Однако сплошь и рядом мы встречаемся с ситуацией, когда, например, у инвалида с детства, которому поставлено уже множество диагнозов, личное дело к началу постановки на учет оказывается полностью пустым. И, как показывает практика, даже тяжело больного молодого человека, если он сам и его родные заблаговременно не озаботятся состоянием его личного дела, могут призвать в армию.

Избежать столь прискорбного развития событий можно — правда, для этого родители будущего призывника должны потратить немало времени и сил. Это как раз тот случай, когда можно заранее подстелить соломки — потому что хорошо известно, куда при неблагоприятном развитии событий придется падать.

Лучший способ предохранить своего ребенка от злоупотреблений военкомата — написать подробную справку о состоянии его здоровья с приложением копий медицинских документов. Как грамотно это сделать, «Солдатские матери Петербурга» подробно рассказывают на своих правозащитных семинарах. Одно из лучших подобных заявлений, по мнению Оксаны Касьянчик, написала Марина Иванова в защиту своего сына Александра.

Текст самого заявления занимает 15 страниц, не считая двадцати шести приложений к нему медицинских документов. Марина Львовна подробно описывает отягощенную наследственность своего сына, приводя перечень заболеваний прямых родственников вплоть до прабабушек. Упоминает склонность к суициду прапрадедушек. Описывает заболевания сына на протяжении всех периодов жизни, начиная от внутриутробного развития и сосредотачиваясь не только на диагностированных заболеваниях, но и на пережитых им стрессовых ситуациях, которые, по ее мнению, повлияли на развитие ребенка.

Из заявления о годности к военной службе Иванова Александра Владимировича от 2 марта 2010 года:

«Мощное увеличение эмоциональной и физической нагрузки привело к тому, что сын начал сильно утомляться, головные боли участились, патологическое невнимание усилилось. Он стал очень заторможенным, медлительным, больше предпочитает одиночество. Во сне опять начал ходить, задавать при этом несвязные вопросы. Утром ничего не помнит. Плохо засыпает, на утро кажется, что вообще не засыпал. Часто возникают боли в животе».

В результате столь последовательной работы мама добилась того, что в призывном свидетельстве ее сына без лишней нервозности появилась категория «В». Конечно, теперь Ивановым предстоит пройти медосвидетельствование для окончательного определения категории годности — но, зная упорство Марины Львовны (и учитывая, что о нем осведомлены также сотрудники военкомата), можно надеяться, что и здесь все пройдет гладко.

К сожалению, не все родители призывников относятся столь предусмотрительно к будущему своих детей. Марина Александровна Коршунова, не предполагая, что работа военкомата может быть связана с серьезным нарушением закона, поначалу пустила дело на самотек. Ее старший сын был поставлен на воинский учет вместе со своим классом. Заметим, практика снимать учеников с занятий в школе и организовано вести их в военкомат распространена повсеместно и воспринимается родителями как нечто само собой разумеющееся. Очевидно, что такое «конвейерное» прохождение через процедуру постановки на учет не способствует внимательному отношению к состоянию здоровья каждого будущего призывника. Особенно учитывая, что школьники подчас просто не понимают своих прав и, не сильно задумы-

ваясь о будущем, достаточно равнодушно относятся к тому, что происходит в военкомате. Их больше заботит то, что они успеют сделать в этот свободный денек, если удастся побыстрее проскочить через скучные формальности, чем какие-то неопределенные проблемы, которые ждут их еще через год-другой — для подростка, считай, вечность.

Между тем, по закону ППВУ — персональное дело каждого гражданина, и родители могут отказаться отправлять своего несовершеннолетнего ребенка в общей толпе. Более того, как его законные представители они имеют право присутствовать во время любых процедур первоначальной постановки на учет.

Но Марина Коршунова упустила эту возможность, и впоследствии ей пришлось немало побороться за свободу старшего сына: несмотря на наличие серьезных заболеваний, сведений о них в личном деле не содержалось, и молодой человек чуть не стал жертвой насильственного призыва. Но этот опыт не пропал для Марины Александровны даром.

Младшего сына, Дмитрия, она запретила отсылать в военкомат вместе со всем классом, написав соответствующее заявление в школу.

- Со стороны школы была попытка прессинга: ей звонили и угрожали неведомыми карами, — рассказывает Оксана Касьянчик. — Но мама стояла стеной, и ей удалось преодолеть это давление.

Написав заявление о состоянии здоровья Димы, которое Оксана Касьянчик не стесняется называть «эталонным», Марина Коршунова самолично представила его в военкомат. Несмотря на некоторое сопротивление военного ведомства, Дмитрий успешно прошел первичную постановку на воинский учет, а в 2010 году получил военный билет с категорией годности «В».

- В декабре 2010 года Марина Александровна позвонила в нашу организацию и рассказала о том, что Дима, сейчас студент Политеха, попал в облаву, — вспоминает Оксана Касьянчик. — Надо сказать, что он посещал наши правозащитные семинары вместе с мамой. И, как оказалось, это не прошло для него втуне: молодой человек сумел отстоять свои права перед превосходящими силами милиции и сотрудниками военкомата и не попал в число незаконно задержанных.

Как показывает опыт правозащитников, человек, единожды защитивший свое достоинство, как правило, на всю жизнь получает прививку от безвольной покорности перед сильными мира сего, из-за которой столь тяжело страдает гражданское общество нашей страны.

3.4. Анкеты

Подготовка к ППВУ — это не только накопление медицинских документов в личном деле, но и сбор других сведений о жизни будущего призывника. Чтобы получить эти сведения, военное ведомство разработало специальные анкеты.

Одну такую анкету заполняет директор школы, в которой учатся молодые люди: в ней он сообщает об интересах, достижениях и пороках подопечных. Например, «в каких кружках занимаются», «какие способности проявляют», «как обычно реагируют на замечания» или «какой уровень общительности проявляют в межличностных отношениях».

Другую анкету обязаны заполнить родители молодого человека. Интересно, что в ней, помимо своих паспортных данных, отца и мать просят указать место работы, а также размер заработка и сведения об обеспеченности жильем (квартира или дом, находятся они в личной собственности или предоставлены ЖКО или какой-либо организацией)!

- Сведения о финансовом состоянии призывников и их родителей не должны иметь никакого значения для военкомата! — возмущается Оксана Касьянчик. — Поэтому, на наш взгляд, родители не обязаны отвечать на эти вопросы в анкетах. Более того, наличие таких вопросов наводит на мысль об их коррупционной природе.

Действительно, часто в одних и тех же военкоматах молодым людям со схожими заболеваниями приходится прикладывать различные усилия для отстаивания своих прав: кто-то сразу получает военный билет, а кому-то приходится затратить для его получения уйму времени и усилий. Не связано ли это с обрисованным в анкетах различным уровнем достатка первых и вторых — а значит, с возможностью дать солидную взятку за устранение «необъяснимых» препятствий?

Еще одну анкету сотрудники военкомата должны заполнять во время беседы с самим будущим призывником. В этом списке вопросов тоже есть пункты, вызывающие беспокойство правозащитников.

Например, сведения о близких родственниках: в частности, их образование, место работы, специальность, служебный телефон. Какое значение эти данные могут иметь для принятия решения о годности молодого человека к военной службе?

Также в призывных комиссиях в обязательном порядке интересуются вероисповеданием школьников. Между тем, далеко не всем юношам известно, что их религиозные предпочтения являются их сугубо личным делом, и что они имеют право не ставить военкомат в известность об интимных подробностях своей духовной жизни.

Глава 4. Другие решения

4.1. Наступление на отсрочки

Нежелание служить в армии стало в последние годы естественным для большинства молодых людей, особенно в больших городах. Но не все согласны платить гигантские взятки за военный билет; не у всех есть заболевания, которые подпадают под категорию «В» (при этом даже те, у кого они есть, очень редко готовы отстаивать свои права). Наконец, далеко не каждый гражданин решается плюнуть на собственное достоинство и до 27 лет скрываться от повесток.

Таким закон предоставляет еще два пути. Один относительно легкий — и потому чреватый неприятными последствиями — воспользоваться отсрочкой. Другой — подчас сопряженный с трудностями, но зато доступный всем — написать заявление на альтернативную гражданскую службу (АГС).

Отсрочки полагаются множеству молодых людей. Чуть не половина призывников, проходящих во время кампании через военкоматы, получает временное освобождение от призыва. Конечно, в условиях демографического спада, в котором находится Россия в последние годы, это здорово осложняет жизнь чиновникам, от которых зависит план выполнения призыва. Поэтому наступление на отсрочки для них — вполне логичный шаг.

Первое серьезное урезание оснований для отсрочек произошло в 2008 году:

- Отсрочка по уходу за ребенком: раньше давалась, если на руках у папы есть малыш до трех лет; теперь предоставляется, только если в семье есть двое детей,

или если при одном ребенке жена призывника беременна без возможности сделать аборт;

- Отсрочка единственному кормильцу: раньше предоставлялась, если молодой человек вынужден ухаживать за родителями-пенсионерами или инвалидами; теперь — только если есть родственник-инвалид, нуждающийся в постоянном уходе;
- Отсрочка на период обучения: ее можно было брать дважды — если студент, получив среднее образование, поступал в вуз, ему снова давали отсрочку; сейчас же продолжить обучение не удастся: каждому положена только одна отсрочка;
- Гибель близкого родственника, отца или родного брата, во время исполнения обязанностей военной службы: теперь предоставляется, только если родственник погиб во время службы по призыву; дети погибших офицеров, таким образом, теперь отправляются в армию.

Очевидно, что отмена сразу стольких оснований для отсрочки привела к значительным, а подчас ужасным социальным последствиям.

Например, многие молодые семьи не откладывали рождение ребенка, имея в виду возможность избежать военной службы — после описанных изменений это редко кому приходит в голову. Сразу двоих подчас просто не потянуть. Между тем, многие потенциальные родители отказываются рожать ребенка, если молодым супругам грозит расставание длиною в год. Для страны, население которой постоянно сокращается, отмену такой отсрочки вряд ли можно назвать предусмотрительным решением.

Ужесточение правил отсрочки единственному кормильцу иногда создает просто катастрофические ситуации. Например, если в семье из трех человек, помимо призывника, есть только мать-инвалид и бабушка, постоянно нуждающаяся в уходе. Формально за бабушкой якобы может ухаживать мать — ведь она-то в постоянном уходе не нуждается. Но, по-хорошему, ее саму надо поддерживать — где уж ей ходить за бабушкой? Однако внука и сына в этом случае прекрасно призовут, заставив бросить инвалидов на произвол судьбы.

Ситуация с демографией с 2008 года стала еще хуже (и улучшений — не в последнюю очередь и по вине вышеописанных поправок — не предвидится). Поэтому наступление на отсрочки продолжается.

В период написания книги в Госдуму был внесен новый проект изменений «Закона о воинской обязанности и военной службе». Если он будет принят, то отсрочки на период обучения станут давать только студентам некоторых специальностей. Каких именно — будет решать Правительство РФ, как ему бог на душу положит.

- Представьте ситуацию: молодой человек специально выбрал вуз с военной кафедрой, поступил и получил отсрочку. Однако на следующий год правительство отменяет отсрочку по выбранной им специальности — и оказывается, что он подлежит призыву! — возмущается Элла Полякова. — Непредсказуемость человеческой жизни еще больше возрастает, как и возможности для коррупции: многие молодые люди и их родители согласятся платить любые взятки, чтобы не прерывать обучение.

Будет ли принято новое изменение в закон или нет — пока неизвестно. Но очевидно, что, даже если не будет принято — наступление на отсрочки не прекратится. По край-

ней мере, до тех пор, пока страна не выберется из демографической ямы (что крайне маловероятно), или пока не будет отменен призыв вообще (что, к сожалению, еще менее вероятно при нынешней власти).

Несмотря на все возможные неприятности, получить отсрочку — заветная мечта многих сегодняшних школьников, которым скоро исполнится восемнадцать. Им кажется, что такое решение спасет их, даст уверенность в завтрашнем дне. Между тем, как считают правозащитники, эта защищенность — мнимая.

Перед получением отсрочки молодой человек все равно проходит медкомиссию, в результате которой ему определяется категория годности. Надо ли говорить, что в отношении таких призывников освидетельствование проводится формально, и, главное, редко кого из них самих это волнует — делать им больше нечего, только терять время, собирая медицинские документы и тягаясь с военкоматом за то, чтобы их приобщить!

Зато через несколько лет, когда действие отсрочки заканчивается, пустое личное дело может создать им немало проблем: в этом случае доказать медкомиссии, что имеешь какое-то заболевание, особенно трудно. «Ага! — «удивляются» в военкомате. — Еще три года назад у тебя ничего не было, и ты сам соглашался, что ничего нет — и вдруг появилось?..» Читатель уже знает, с какими трудностями может столкнуться призывник при прохождении медкомиссии — тут же этих трудностей становится не в пример больше. Не всякой семье удастся преодолеть такое давление — и многие молодые люди, по расписанию болезней имеющие полное право на категорию годности «В», сдаются и отправляются служить.

Наконец, нередко юные студенты, воодушевленные поступлением в учебное заведение, просто не понимают, что

такое отсрочка, и что дается она не деканатом, а военкоматом. Кто-то из них даже не удосуживается зайти в комиссариат и оформить отсрочку, полагая, что сам факт поступления и наличие в кармане студенческого билета спасут их от повесток и облав. К сожалению, распространению правовой безграмотности способствуют некоторые вузы и колледжи, сотрудники которых сами не знают, что должны делать студенты для получения отсрочки.

Но даже если призывник сделал все правильно, и ему поставили отметку об отсрочке в приписном свидетельстве — как ни печально, это еще не гарантирует ему безопасность. Пока вопрос с армией не решен окончательно — то есть пока у молодого человека нет военного билета — для военкомата он остается добычей. Примеры того, как права имеющих отсрочку граждан нарушались военкоматами, в большом количестве собраны правозащитниками.

4.2. Сергей Юрин и Алексей Шаров

Студенты, даже с правильно оформленными отсрочками, нередко попадают в облавы — и их, не обращая никакого внимания на нарушения закона, быстро отправляют в армию. Особенно гладко это проходит с иногородними студентами, за которых не могут оперативно заступиться родители: часто о том, что их сына призвали, они узнают уже тогда, когда он пришлет им весточку из части.

Существуют и более изощренные способы «призывать» («призывом» такие похищения можно называть только в кавычках) в армию людей с отсрочками. Сергей Юрин и Алексей Шаров попали в схожие ситуации, хотя и военкоматы, и основания для отсрочек у них были разные.

Из жалобы Сергея Юрина в прокуратуры разных уровней и другие инстанции от 20 декабря 2011 года:

«17.12.2010, в субботу, в 21.00 мне позвонили на домашний телефон из военкомата. Попросили принести справку из учебного заведения о том, что я учусь, в понедельник к 9.00 утра. В назначенное время я пришел в военкомат Выборгского района. У меня забрали справку и отправили на медкомиссию, хотя у меня оформлена отсрочка по учебе с октября 2009 года по июнь 2011 года. После прохождения медкомиссии меня попросили подняться на пятый этаж. Женщина, сидевшая в кабинете, сказала, что **отсрочка мне была дана ошибочно, и в изъятом у меня приписном свидетельстве красной ручкой перечеркнула данную отсрочку.**

Забрав у меня паспорт, который я отдал без задней мысли, спрятала его вместе с приписным в ящик стола. Попросила оставить личные вещи у себя в кабинете и попросила пройти тест.

Тест я прошел. Женщина, проводившая тест, сказала ждать, упомянув, что этаж перекрыт. Она вернулась с мужчиной и сказала делать выбор: либо мы забираем тебя сейчас, либо 23 декабря сего года.

Женщина выписала повестку на 23 число. При моем отказе подписать ее, она пригрозила уголовной ответственностью, и я подписал.

Перед уходом я попросил вернуть паспорт и приписное, которые были возвращены».

По повестке на отправку в армию Сергей не пошел — написал заявление, что считает ее незаконной, и требовал восстановить приписное.

Вообще-то, незаконным является и вызов в военкомат телефонным звонком, и после такого приглашения при-

зывник не обязан никуда ходить. Но трудно найти в России молодого человека, который им пренебрег бы (если, конечно, он не скрывается от призыва, а имеет законное право на отсрочку или предоставление категории «В»): никто не желает лишний раз ссориться с военкоматом; тем более что вызывают не служить, а якобы что-то «донести».

- Перечеркивать что-то в приписном свидетельстве — это вопиющее беззаконие, — говорит Оксана Касьянчик. — Но, конечно, дела против сотрудницы военкомата, такое совершившей, возбуждать никто не стал.

В аналогичной ситуации оказался и Алексей Шаров — даром, что вызывали его в военкомат не Калининского, а Выборгского района, и отсрочка у него была по уходу за матерью, инвалидом второй группы.

Шарову отсрочку оформили еще в 2005 году, на срок до 2014 года — до есть до самого достижения 27 лет. Вот только в 2008 году основания для отсрочки единственному кормильцу ужесточились... Осенью 2010 года Алексея вызвали в военкомат по телефону, перечеркнули упоминание об отсрочке в приписном — и сразу, без проведения необходимых анализов, отправили на Загородный пр., 54. По счастью, оттуда парню удалось выбраться.

- Механизма «отмены» отсрочки по закону не существует, — поясняет Оксана Касьянчик. — Даже если основания изменились — а в случае с Шаровым, как мне кажется, это не так — сотрудник районного отдела военкомата не имеет права ничего самостоятельно отменять. Во всяком случае, нужно решение вышестоящей инстанции, или — лучше — суда. А по Шарову, я думаю, нет даже решения районного отдела; в погоне за выполнением плана делали просто все, что в голову взбредет.

4.3. Владимир Тertyчный

Альтернативная гражданская служба, в отличие от отсрочки, позволяет решить армейский вопрос раз и навсегда. Правда, пробиться сквозь надолбы чиновничьего сопротивления подчас бывает нелегко.

Право на АГС появилось у граждан России в 1993 году, с принятием новой Конституции. Однако больше десяти лет это право невозможно было реализовать из-за отсутствия механизмов: закон об альтернативной гражданской службе вышел 2002 году, а вступил в силу только в 2004-м.

Пока что заявления на АГС пишет мизерный процент призывников. Связано это как с тем, что альтернативная служба считается в обществе чем-то маргинальным, даже позорным, так и со множеством слухов и мифов, которые ходят об АГС в народе.

Например, многие до сих пор считают, что альтернативщики должны провести на своих принудительных работах аж 42 месяца — между тем, этот срок уже давно сокращен до 21 месяца. Тоже больше, чем служба в армии, но все же представимый период времени.

Другой миф, активно поддерживаемый сотрудниками военкоматов — что право на АГС дают только «сектантам», типа Свидетелей Иеговы, и что свою принадлежность к «секте» нужно еще документально доказать. Между тем, основанием для избрания альтернативной службы могут быть не только религиозные верования, но и убеждения — например, пацифизм.

Одно время военные боролись за то, чтобы АГС проходила в военных частях: то есть призывник оказывается в той же самой казарме, только оружие ему никто в руки не

дает, и он занимается хозяйственной работой. К счастью, эта кампания не увенчалась успехом, т.к. противоречила самой сути гражданской службы: те, кто выбирает АГС, чаще всего не согласны не только стрелять в людей, но и каким-либо образом поддерживать насилие и убийства, в том числе обслуживая армейские части. Более того, альтернативщик не считается военнослужащим и работает в рамках трудового кодекса: восьмичасовой рабочий день, два месячных отпуска за период службы.

В головах многих сограждан АГС обязательно связана с грязной и непрестижной работой — это отчасти верно, но лишь отчасти. Действительно, около 50% альтернативщиков направляются для работ санитарями в медицинские учреждения (именно такая должность особенно пугает многих призывников). Но остальные попадают на стройки, на заводы, даже на почту. Более того, пока механизм АГС не слишком отлажен, многие молодые люди, получившие право на замену армейской службы альтернативной, вовсе остаются дома, не будучи никуда призванными; хотя это, видимо, скоро прекратится, потому как заявок на альтернативщиков от предприятий поступает много.

Наконец, многих пугает необходимость практически на два года уехать из дома куда-то к черту на кулички. Действительно, в законе заложен экстерриториальный принцип гражданской службы, но в реальности редко кому придется ехать в другой регион. Дело в том, что альтернативщикам, по закону, должны предоставлять не просто какой-то угол, а комнату в общежитии. В последние годы большая часть общежитий в стране позакрывалась: предприятиям их содержать невыгодно. Поэтому и прикомандировать АГС-ника к заводу где-то за тридевять земель удастся редко — и чаще всего они получают работу рядом с домом.

Очевидно, что военные видят в АГС потенциального конкурента — и пытаются, пока не поздно, минимизировать влияние этого конкурента в обществе, уничтожить его имидж. Они могут замедлить рост популярности альтернативной службы — но не остановить.

- Из призыва в призыв число людей, пытающихся заменить военную службу на альтернативную, увеличивается, — говорит Елена Попова, координатор по связям с общественностью и координатор по АГС РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга». — В осенний призыв 2010 года из-за АГС по разным вопросам в нашу организацию обратилось уже 90 человек, в весенний — около 60, до этого — 45, 27... С каждым призывом их все больше; реальные цифры желающих служить альтернативно, думаю, в Петербурге намного выше — не все же к нам приходят.

Один из идейных сторонников альтернативной службы — Владимир Тertyчный, уже знакомый нашему читателю по видео, снятому им во время облавы в общежитии.

Сам Владимир жертвой облавы не стал — потому что подал заявление на АГС.

Из заявления Владимира Тertyчного в отдел военкомата по Выборгскому району от 15 октября 2010 года:

«Довожу до Вашего сведения, что несение военной службы противоречит моим убеждениям.

Мои убеждения сводятся к следующему.

Я считаю, что Свобода — это важнейшая ценность, которая дается человеку от рождения, и именно Свобода составляет важнейшую сущность человека. В армии же я вынужден жить по уставам и подчиняться распоряжениям людей только потому, что они в армейской официальной

или неофициальной иерархии стоят выше. Очевидно противоречие военной службы таким убеждениям.

Я полагаю, что право на частную жизнь — это ценность. Но это право нарушается жизнью в казарме, где у меня не будет возможности оставаться наедине со своими мыслями, со своими друзьями и семьей.

Служба в армии, по моему мнению, не принесет мне никаких знаний и умений, которые я мог бы использовать в дальнейшей моей жизни, в то же время прохождение альтернативной гражданской службы позволит мне совмещать службу с дальнейшим обучением, следовательно, получением высшего образования, которое для меня очень важно. Я считаю, что альтернативная гражданская служба — это и есть патриотизм, и благодаря ей я принесу больше пользы себе, людям, государству.

На мой взгляд, необходимо полностью отменить призыв и создать профессиональную армию. Я считаю, призывная армия не отвечает интересам обороноспособности. Я убежден в необходимости и разумности, экономической целесообразности исключительно контрактной армии. Служить по призыву — противоречит моим убеждениям».

Владимир подал свое заявление, пропустив установленный для этого по закону срок. Заявление надо писать за полгода до начала призыва, в который молодой человек должен был бы пойти в армию — на самом деле, условие для многих трудновыполнимое. Если, например, молодой человек собирался поступить в вуз и, еще учась в школе, не написал заявление, а потом не прошел по конкурсу — всё, срок пропущен! Многие ли школьники думают об армии и каких-то бюрократических формальностях в свой последний учебный год?..

Владимир Тertyчный просил призывную комиссию «восстановить срок подачи заявления на альтернативную службу»; основание: взгляды окончательно сформировались именно в октябре 2010 года, после прочтения книги Льва Левинсона «Альтернатива призыву».

- Пропуск сроков — самое частое основание для отказа в праве на АГС, — поясняет Елена Попова. — Вообще-то этот срок был установлен как техническая необходимость: у государственной машины должно быть время на то, чтобы определить место будущей работы альтернативщика. Военкоматы же часто используют формальность как способ полностью отказать человеку в праве на альтернативную службу, что бессмысленно как с точки зрения закона, так и логики: если человек не хочет служить, защищая свою Родину с оружием в руках — заставить его невозможно. Зачем нужен такой солдат?

Но от этой напасти есть спасение — в случае получения отказа можно обжаловать решение призывной комиссии в суде. Суд длится чаще всего несколько месяцев, за это время призывная кампания успевает закрыться — а к следующему призыву ничто не мешает молодому человеку подать новое заявление об АГС.

- В Центральном районе Алексей Сафонов два раза подавал на альтернативную службу, и когда призывная комиссия отказывала ему второй раз, у него спросили: «Что, до 27 лет будете нас мучить?!» — «Дайте замену на АГС, перестану». Это было в позапрошлый призыв, с тех пор повесток Алексею не присылали — о нем просто «забыли», — рассказывает Елена Попова. — Кстати, многих такое поведение чиновников воодушевляет: когда молодые люди прячутся от военкомата — это неприятно, но привычно, но когда военкомат прячется от призывника — это уже анекдот.

Начисто «забыть» о призывнике, написавшем заявление о замене военной службы на АГС — распространенный подход к проблеме в некоторых военкоматах. Именно так поступили и с Владимиром Тертычным. На призывную комиссию для рассмотрения заявления его так и не вызвали — но студент и не напрашивается, спокойно продолжая учиться.

4.4. Никита Погодин

Есть и другой, менее приятный подход к потенциальным альтернативщикам: не рассматривая заявления, будто его не существует, вызывать человека повестками на медкомиссии.

В такую ситуацию попал Никита Погодин (с его бабушкой, Тамарой Евгеньевной, читатель тоже уже встречался во второй главе настоящей книги).

Из заявления Никиты Погодина в отдел военкомата Фрунзенского района от 28 апреля 2010 года:

«Я имею убеждения, которые противоречат несению военной службы.

Мой отец, проходя службу, стал жертвой издевательств сослуживцев, так называемой «дедовщины». Со слов бабушки (его матери), ранее он был очень добрым и любящим сыном. Пошел служить в армию по телефонному звонку, даже без повестки — выполнять свой гражданский долг перед Отечеством. Что ему пришлось пережить в армии, в нашей семье никто не хочет вспоминать. Бабушка за время его службы поседела, как сидела матери, ждавшие своих сыновей с фронта. И если бы не указ Горбачева о демобилизации студентов, возможно, он бы и не вернулся, и я бы не родился. Армия совершенно поломала его психику: он стал злым, недоверчивым, в его речи постоянно звучит слово «ненавижу».

Два моих троюродных брата служат в настоящее время. Один из них сейчас находится в госпитале в результате побоев, нанесенных офицерами в День защитника Отечества. Говорят, ему еще повезло: другого парня избили и сбросили с четвертого этажа, и теперь он на всю жизнь останется инвалидом. Другой мой брат — спортсмен, добровольно записался в ВДВ. Вся его рота заболела, и он исполнял все обязанности военной службы три месяца в тяжелом состоянии, с температурой 38 градусов. Лечение ему не предоставлялось, госпитализировали только тех четверых, которые не могли даже встать с постели. Когда роту вывезли «в поля», у моего брата несколько раз поднималась температура до 40 градусов. Ему делали два укола антибиотиков на ночь, а на утро опять отправляли на службу. За 5 месяцев он получил огромную дозу антибиотиков, и неизвестно, как это отразится на его здоровье: у него уже начались проблемы с почками.

На основании этих примеров и фактов беспредела и попустительства руководства в армии, эксплуатации труда служащих и убийств, о которых регулярно сообщают в СМИ, у меня сложились убеждения, что российская армия в ее современном состоянии — не «кузница настоящих мужчин», а ужасная машина, калечащая здоровье, души, а порой и забирающая жизни людей. И это в мирное время: просто в результате беспредельного насилия и жестокости, которое в наших вооруженных силах является обычным делом, развитием на досуге».

- Никита написал просто отличное заявление на АГС, — считает Елена Попова. — Мальчик творческий — настоящий поэт, вышел даже сборник его стихов. При этом еще в анкете при первоначальной постановке на воинский учет написал, что предпочитает альтернативную службу.

«Если он попадет в армию, он умрет», — такую причину обращения указала бабушка Никиты, Тамара Евгеньевна, в опросном листе «Солдатских матерей Петербурга».

Из автобиографии Никиты Погодина, приобщенной к заявлению в отдел военкомата Фрунзенского района от 28 апреля 2010 года:

«Когда мне было четыре года, отец с матерью разошлись. <...> Меня любили все, но каждый хотел взаимности только для себя. А я любил всех, и, как мог, лавировал между ними, потому что страшно боялся кого-нибудь обидеть. Мне до сих пор очень тяжело причинить человеку моральную боль. О физической же и речи быть не может.

<...>

Как ни странно, я даже в детстве не любил играть в войну — бегать и «стрелять» в других людей, драться, делать кому-то больно... Помню, страшно переживал за акации у оград садика: все дети висели на них и отламывали сучья, в то время как я переживал из-за этого моральную боль. Смешно, конечно, а тоже факт.

<...>

В третьем классе, на очередном концерте, посвященном победе в Великой Отечественной войне, я прочитал свое стихотворение:

*Не хочу говорить о войне:
Я хочу говорить о мире!
Чтобы был он на всей земле,
Чтобы люди всех стран дружили.
Чтобы не было детских слез,*

Искалеченных войной судеб...

Я хочу, чтоб сказали всерьез:

На земле больше войн не будет!

Возможно, мои пацифистские и антимилитаристские убеждения начали складываться уже тогда, и в этом наивном, детском стихотворении нашли свое отражение».

Казалось бы, любому вменяемому человеку очевидно: такому, как Никита Погодин, в армии делать нечего. Или вменяемость не входит в круг добродетелей, необходимых организаторам призыва?

Во всяком случае, вместо повестки на призывную комиссию для рассмотрения заявления об АГС Погодину начали слать повестки на прохождение медицинской комиссии.

- Это абсолютно незаконно, и понятно, зачем это делается, — комментирует Елена Попова. — Пока заявление не рассмотрено, человек остается в подвешенном состоянии: его все еще могут призвать. Особенно если по результатам медкомиссии будет установлено, что он годен...

По повесткам Никита Погодин не ходил, несмотря на содержащиеся в них угрозы наказания вплоть до «лишения свободы на срок до двух лет» за «уклонение от призыва». А Тамара Евгеньевна каждый раз письменно жаловалась на очередное поползновение военкомата.

Из заявления Тамары Погодиной председателю и зам-председателя призывной комиссии МО № 76 от 19 ноября 2010 года:

«На вашу повестку о явке на медицинское освидетельствование Погодина Никиты Михайловича в четвертый раз заявляю, что мой внук и доверитель не явится, ввиду

того, что им подано заявление на замену военной службы альтернативной гражданской службой, которое вы до настоящего времени не рассмотрели, в чем я усматриваю ваше намеренное бездействие.

Если заявление на АГС подано не в установленный срок, прошу рассмотреть его и вынести решение об отказе. Но убеждения моего внука от этого не изменятся, и права, данного ему Конституцией РФ, вы его лишить не можете».

Но в военкомате продолжали гнуть свою линию.

Из ответа Тамаре Погодиной за подписью начальника отдела военкомата по Фрунзенскому району П. Дементьева от 30 ноября 2010 года:

«Для рассмотрения заявления о замене Вашему доверителю военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, ему необходимо лично явиться в отдел военного комиссариата г. Санкт-Петербурга по Фрунзенскому району на призывную комиссию.

Повестку на заседание призывной комиссии Ваш доверитель может получить после прохождения полного медицинского освидетельствования».

Нашла коса на камень... Будучи полностью уверенной в своей правоте, Тамара Евгеньевна жаловалась в надзорные органы. Ответы оттуда поражают своей иезуитской логикой.

Ответ Тамаре Погодиной из прокуратуры Фрунзенского района за подписью зампрокурора района Е.А. Бурмистровой от 18 ноября 2010 года:

«Разъясняю Вам, что в соответствии с п. 1 ст. 11 ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» граждане вправе подать заявления о замене военной службы по призыву аль-

тернативной гражданской службой в военный комиссариат, где они состоят на воинском учете, в следующие сроки:

до 1 апреля — граждане, которые должны быть призваны на военную службу в октябре-декабре текущего года;

до 1 октября — граждане, которые должны быть призваны на военную службу в апреле-июне следующего года.

Таким образом, подача Вашим внуком заявления 28.04.2010 г. не освобождает его от призыва на военную службу в период осенне-зимнего призыва 2010 года».

Этот ответ вызывает смешанные чувства: это одновременно и отвращение из-за его подлости, и восхищение тем, как виртуозно госпожа Бурмистрова владеет навыком бюрократической акробатики. Имеется в виду умение перевернуть все с ног на голову.

Все учла госпожа зампрокурора, кроме одной «мелочи»: даже если заявление об АГС подано с нарушением сроков, это не значит, что его можно вообще не рассматривать до тех пор, пока нужный срок не наступит!

На момент написания книги ни одна из сторон так и не смогла пересилить другую: военкомат все еще угрожает, а Никита с бабушкой продолжают отбиваться. Чем закончится противостояние, неизвестно.

- В неформальной беседе представитель Фрунзенского военкомата мне сказал, что они осведомлены о том, что Погдин поступил в университет и имеет право на отсрочку. Мол, почему бы ему не оформить отсрочку вместо АГС? Я отвечаю: это его право, раз человек хочет по-умному поступить и решить вопрос с армией, пока находится в безопасности. Сначала получить право на АГС, а потом оформить отсрочку. На что представитель военкомата мне признался, что у

них не предусмотрена такая позиция для хранения личных дел в архиве: АГС с отсрочкой — и им просто некуда будет Погодина деть! — смеется Елена Попова. — Ну, мне кажется, вряд ли это проблема Никиты!

4.5. Сергей Тупицын

К счастью, существует и третий подход военкоматов к заявлениям на АГС: не «забыть» о призывнике, его написавшем, и не пытаться любой ценой затащить его в армию — а дать ему положенное по закону право. Даже несмотря на пропуск сроков.

Сергей Тупицын, проживающий в Волховском районе Ленинградской области, в своем заявлении на АГС довольно-таки коротко обосновал невозможность для себя армейской службы.

Из заявления Сергея Тупицына начальнику отдела военкомата по Волховскому и Киришскому районам от 8 октября 2010 года:

«Я имею убеждения, которым противоречит несение военной службы.

1. Моя мама очень переживает, когда узнает о случаях насилия и унижения людей в армии. От одной мысли, что я могу оказаться в подобной ситуации, у нее поднимается давление и ухудшается самочувствие. Я не могу наносить вред здоровью своей матери.

2. Я свободомыслящий человек и убежден в том, что жить по уставу, выполнять команды и полностью подчиняться вышестоящему руководству — ограничит мою свободу до минимума. Я не смирюсь с тем, что мою личную свободу кто-то ограничивает.

3. С детства мои родители воспитывали меня, что нужно жить в мире. Я считаю, что не имею никакого права наносить боль и страдания другому человеку, и конфликтные ситуации я стараюсь всегда решать мирным путем».

Оснований всего три — но и этого достаточно. На самом деле, хватило бы и одного, главное, чтобы оно происходило из реальных убеждений человека.

Как показывает практика, если молодой человек получает-таки решение о замене военной службы на альтернативную, отношение врачей медицинской комиссии к нему меняется, как по мановению волшебной палочки. Диагнозы больше не вызывают недоверия, и, при наличии заболеваний, бывшему призывнику их легко подтверждают.

Так случилось и с Сергеем Тупицыным: утвердив свое право на АГС, на медосвидетельствовании он получил категорию «В», и вскоре ему выдали военный билет.

- Мы всегда говорим, что АГС, как любая принудительная — это тоже плохо, — считает Елена Попова. — Ее не должно быть, как и призыва на военную службу. Но механизм АГС можно и нужно использовать: положение альтернативщика намного лучше, чем солдата. На мой взгляд, если число людей, подающих заявление на АГС, достигнет критической массы, система начнет колебаться и будет вынуждена как-то меняться. Потому что призыв существует не для того, чтобы набрать штат санитаров или почтальонов. Многие спорят — может ли всплеск заявлений переломить призыв? В Германии, говорят, долго жил призыв, именно потому что была АГС. Но есть пример Испании: народ хлынул на АГС, рабочие места не смогли предоставить, и отменили призыв в конце концов. С учетом негибкости нашей системы, нечеткости организации работы наплыв альтернативщиков приведет к тому, что значительная часть людей выйдет из зависимости и на АГС не попадет. Тогда начнет и годность

определяться по-другому, ведь план по призыву на военную службу нужно выполнить, а на АГС — нет. А главное, ребята, которые прошли через «тернии» получения права на АГС — они становятся спокойными, их уже ничем не запугаешь...

Действительно, с экономической точки зрения принудительный труд — самый неэффективный из возможных. Альтернативщика нельзя уволить, даже если он будет трудиться из рук вон плохо, при этом зарплату ему работодатель платить обязан...

Единственный аргумент в пользу существования и призыва, и альтернативной гражданской службы как его особой формы — в глазах многих россиян связан с патриотическим «долгом перед Родиной». Споры о том, кто кому должен: гражданин государству, как истинный сын Отечества, или государство гражданину, как неизбежная надстройка в рамках общественного договора — вряд ли прекратятся в ближайшее время.

Этот спор — теоретический, связанный с философскими и ценностными установками, и поэтому ни одна сторона никогда в нем не победит. Но дело в том, что в истории человечества теории никогда не имели силы при встрече с практикой, и любую философию можно было где-то «подкрутить», «подпилить», «уточнить» — в связи с требованиями момента.

Так, когда в рожденной из крови Гражданской войны Советской России стало очевидным, что военный коммунизм, основанный на марксовой теории, с экономической точки зрения оказался абсолютным банкротом — сразу появилась возможность отойти от «канона» и запустить Новую экономическую политику.

Так, в Израиле, несмотря на в целом либеральный строй этого государства, призыв вряд ли будет отменен в обозримом будущем, причем продолжать служить будут и

женщины, и мужчины. Связано это не с особым патриотизмом израильтян (в самом патриотизме я нисколько не сомневаюсь — но сомневаюсь, что таковой меньше у американцев, британцев, немцев или русских), а с практической необходимостью непрерывно защищать свое государство от превосходящих сил враждебного окружения. Этой стране действительно нужна относительно более многочисленная армия, чем другим демократическим государствам — и содержание исключительно профессиональных контрактников оказалось бы слишком накладным.

Исходя из реальных потребностей России, призыв ей давно не нужен. «Как же, а охрана наших границ, самых протяженных в мире! — возражают сторонники сохранения призыва. — Ведь их же нужно контролировать!»

Охрана границ — действительно реальная проблема... и поэтому ее давно решили. Погранвойска России переданы в ведение ФСБ и полностью формируются по контрактному принципу. Для того, чтобы держать границу на замке, теперь уже вовсе не нужно, чтобы каждый ее метр лично патрулировал человек с ружьём: для этого используются технические средства, а оперативные группы на заставах реагируют лишь в случае срабатывания сигнализации.

Предположение о возможности нападения другого государства на Россию, в краткосрочной или среднесрочной перспективе, — отдает паранойей. Но даже если такое, не дай бог, случится, профессиональная армия гораздо лучше справилась бы с угрозой, чем нынешняя призывная, которая ни с чем справиться не сможет. Борьба с терроризмом же военнотружущим по призыву вовсе не под силу.

Вывод прост: продолжение призыва совершенно не отвечает настоящим потребностям российского общества; оно вступает в противоречие с реальностью. А реальность таких ошибок не прощает: поэтому армия России уже сейчас

представляет собой не военную силу, а рабовладельческий картель. И чем дальше, тем хуже будет ее положение.

Спасти мертвеца не смогут уже никакие припарки: ни игры со сроками призыва, ни обучение профессиональных сержантов, ни даже введение реального гражданского контроля (хотя последнее крайне желательно, потому что поможет спасти жизнь и здоровье многим отдельным молодым людям). По уже названной причине: призывная армия не только не нужна современной России, но и тормозит ее экономическое, социальное и нравственное развитие. И если власть имущие вовремя не одумаются и не прекратят это безумие, разложение армии может стать пусть не причиной, но катализатором распада страны.

Приложение 1

Взгляд изнутри

Сергей Дмитриевич Стрильченко, председатель Первой городской независимой военно-врачебной экспертной комиссии, знает внутреннюю кухню петербургских военкоматов как никто другой.

В 1984 году он окончил Военно-медицинскую академию. С 1984 по 1989 служил врачом в ракетных войсках в Сибирском военном округе. С 1989 по 1992 прошел ординатуру по неврологии в Военмеди, затем поработал в окружном госпитале во Львове, а с 1993 года стал штатным врачом военно-врачебной комиссии военкомата Ленинградской области. С 1998 стал заместителем председателя ВВК. Проработав там до 2003 года, он ушел на должность зампреда ВВК в военкомате Санкт-Петербурга. Однако в 2009 году вынужден был уволиться, как рассказывает сам Сергей Дмитриевич — потому что не сумел встроиться в коррупционную систему, из-за чего начал получать угрозы.

3 декабря 2010 года Стрильченко получил лицензию на частное медучреждение — независимую экспертную ВВК. Она работает для тех, кто не согласен с решением военно-врачебных комиссий армии или МВД: получив заключение независимой ВВК, они могут с большим основанием обратиться в суд. Причем в случае спорных диагнозов комиссия Стрильченко направляет своего клиента к лучшим, признанным специалистам Петербурга.

- Почему вы ушли из областной призывной комиссии в городскую в 2003 году?

- В ВВК горвоенкомата меня пригласил ее председатель, он попросил ему помочь. Однако в 2008 году председатель сменился — пришел Мурсалов. Мы не сработались.

- Почему?

- Пошел вал левых документов по неврологии (я же врач-невролог) — откровенная липа: поддельные выписки. Чтобы их отменить, вызывали призывников. Двое сознались, что заплатили в посреднической «юридической» фирме: у таких контор налажен контакт с коррупционерами в призывной военкоматовской системе, и они передают взятки от призывников и их родителей. За весну 2009 года таких было около 50, все как будто бы осматривались в Елизаветинской больнице. Из больницы нам официально ответили на запрос, что такие не обращались. Все материалы официальной переписки с лечебными учреждениями имеются в военкомате города.

- Как вы определили, что выписки липовые?

- На компьютере сделаны. В одной настоящей выписке меняли фамилию и номер истории болезни, в итоге у пятидесяти человек — один и тот же диагноз, буква в букву, и анализы — цифра в цифру. Очевидно, что делалось централизованно все, в одной и той же «фирме». Я начал требовать у командования передать эти документы в прокуратуру.

В итоге меня попросили уйти по собственному, при этом я получал угрозы физической расправы со мной и членами моей семьи — и я ушел. Подал в суд на принуждение к увольнению. Судье я ничего насчет угроз не доказал — свидетелей-то не было. Но резонанс прошел, и от меня отстали.

Кстати, судья попросил представить эти поддельные диагнозы, и дать справку, призвали этих людей или нет. Был

ответ, что материалы отправлены в прокуратуру Я, еще до увольнения, настаивал на том, чтобы их передать в прокуратуру. А это можно сделать только за подписью военного комиссара...

Итак, судья попросил: принесите запрос в прокуратуру. Так и не принесли! По телефону же представитель прокуратуры сказал, что пришли эти бумаги не в мае 2009 года, когда я просил их отправить, а в ноябре 2009 года, когда уже суд шел. А из справки, которую представил военкомат, следует, что никто из тех пятидесяти призван не был.

Вот все это вскрылось и — тишина...

- Неужели до 2008-09 года в военкоматах не было коррупции?

- До Мурсалова в ВВК таких массовых нарушений не было — по крайней мере, по неврологии.

- Расскажите о нарушениях в работе ВВК.

- Ну, рассказать можно много что.

Для начала: штатная ВВК горвоенкомата с 2005 года до марта 2011 года просто не имела лицензии на проведение военно-врачебной экспертизы!

Дальше: все доктора, которые входили в состав районных медкомиссий, в 2009-10 годах входили в состав городской призывной комиссии. Это само по себе бред: ведь городская, по идее, должна контролировать работу районной. Но самое интересное, что для районных врачей установлено расписание — и они на городскую медкомиссию приезжают именно в те дни, когда проходят призывники из их районов. Как кто-то может контролировать сам себя?! Это прямо нарушает ст. 29 закона «О воинской обязанности и военной службе».

Интересно, что в 2009 и в 2010 годах это были буквально одни и те же врачи по бумагам: их просто «скопировали» из одного года в другой. Вот, например, моя сотрудни-

ца, Шилова Елена Евгеньевна. Она с апреля 2010 года в ВВК не работает, уже устроилась в мою независимую комиссию — но продолжает числиться и в районной медкомиссии, и в городской приемной комиссии! Кстати, ее саму никто не уведомил, что она в нее входит.

Дальше: решения городской, так же как областной призывной комиссии, должны приниматься на общем заседании всех ее членов. Этого никогда не было, просто потому что их собрать невозможно: в городскую же входили врачи из всех районных, это 123 человека. Поэтому все подписи ставили задним числом.

Мы обратились по этому поводу в прокуратуру, плюс в адрес министра обороны. Ждем реакции. В итоге, после всей шумихи, после моего выступления по телевидению районных врачей убрали из ПК города.

Кстати, за все время моей работы в горвоенкомате ни одного заседания городской призывной комиссии по годности конкретных призывников не проводилось. Чтобы у гражданина, прибывшего на контрольно-медицинское освидетельствование (КМО) по жалобе на решение ПК района, выясняли, годен он или нет — как в районе проходит — такого никогда не было. Здесь видна коррупционная составляющая: решение при проведении медосвидетельствования принимают только три врача. Это врач, руководящий работой по освидетельствованию в районе (сотрудник районного отдела ВК), врач-специалист — член призывной комиссии города (сотрудник горвоенкомата) и врач, руководящий работой при проведении КМО — тоже член ПК города и сотрудник горвоенкомата. Получается, что решение принимают три сотрудника военкомата, а не две комиссии! Проще договориться — тем более что их решение никто не контролирует.

Интересно, что врачи из районных медкомиссий сами не хотели ездить на городские КМО — это реально не их

работа, и они понимали, что нарушают закон. Проверкой того, правильно ли поставлена категория годности в районном военкомате, должны заниматься штатные врачи городской ВВК. Но им лень — они проверяют документы только тех призывников, которым поставили категории «В», «Г» или «Д». Потому что это люди «перспективные» и с ними можно «поработать». А годных всех осматривали доктора из районных комиссий — это рутина, никому из них не нужная.

При этом врачи из районов и рады бы возмутиться, да не решаются: несмотря на то, что числятся они за поликлиниками, работают реально только в военкоматах. И платит им Минобороны: поликлиника, куда они приписаны, выставляет счет военкомату, а военкомат может ведь и «недофинансировать». Бывали случаи, что деньги по счету от поликлиники не переводили, долги большие были по районам, и суды были.

Формально врача в медкомиссию района должна рекомендовать поликлиника — но реально их ищут, находят и смотрят в военкомате. Обнаружив своего человека, военком устраивает его в поликлинику. Там не возражают: своих спецов всегда не хватает, и отдавать их «на сторону» никто не хочет, поэтому берут с удовольствием.

Вообще же давление на сотрудников редко оказывается: все работают в одной упряжке, все всё понимают. Если человек не хочет идти в ногу — его просто убирают, без всякого давления. С 2009 по 2010 год 5 старших врачей районов сменились.

С 2009 года масштаб нарушений действительно вышел на другой уровень: если раньше это делали с оглядкой, то сейчас основной принцип работы — ничего не бояться. В феврале-марте 2011 по указанию командующего округом Окружная ВВК проверила ряд районных отделов военкомата города. Была выявлена масса личных дел призывников, осво-

божденных по состоянию здоровья от призыва, медицинские документы которых не давали на это права, но все эти решения были утверждены городской призывной комиссией — врачами-специалистами, сотрудниками горвоенкомата.

- И сколько сейчас стоит «отмазаться» от армии?

- По информации, которая по улицам ходит: от 120 тыс. руб. и выше. Доходит до 5 тыс. евро. В области ниже.

- Нарушения, о которых вы говорите, очень серьезные.

- Да. По-моему, в 2009 и 2010 годах призыв был проведен полностью незаконно. Получается, нужно отменить результаты всех четырех последних призывов.

- Как вы думаете, какие реформы помогли бы изменить ситуацию?

- Для начала, нужно забрать у штатных врачей ВВК контрольную функцию в призывной комиссии. На Загородном пр., 54 должны работать не штатные, а выделенные комитетом по здравоохранению специалисты. Штатные же (это восемь врачей, девятый — председатель) должны заниматься своей прямой обязанностью — контрактниками.

До 1993 года не было штатных врачей ВВК, так как не было контрактников — и для контроля работы призывных комиссий в районах выделяли то одних, то других докторов.

Еще нужно усилить контроль над работой ВК по статистическим данным, в частности, по показателю годности. Сейчас по стране 68–69% освидетельствованных «годны» и «годны с незначительными ограничениями». (Кстати, раньше процент был выше, 73–74%.) Если показатель годности у военкома ниже среднего — это повод для Минобороны устроить комплексную проверку военкомата. А если ниже 60% — это оценка «2» и якобы военкома надо снимать. Понятно, что военкомы за эти цифры будут цепляться

руками и зубами! А чтобы этот процент не падал (особенно потому что пролетает мимо призыва много «левых», заплативших взятки), в армию без зазрения совести отправляют больных. Из всех призванных, например, весной 2010 года из Санкт-Петербурга, уволено из армии по состоянию здоровья 17 человек — именно как незаконно призванные.

Вывод: статистикой годности должны заниматься гражданские врачи. У них своя статистика: из детской поликлиники она переходит во взрослую сеть, и это истинная картина, т.к. в гражданской системе здравоохранения от количества реальных больных зависит и выделяемое количество коек. То есть, если много годных, они должны уменьшать количество коек, и наоборот.

В декабре 2010 года Сергея Стрильченко попросили составить записку для министра обороны о состоянии дел в военкоматах Петербурга и Ленинградской области. Мы публикуем выдержки из этого документа, сопровождаемые комментарием самого Сергея Дмитриевича.

3. Врачи-специалисты, члены Призывной комиссии Санкт-Петербурга, незаконно самостоятельно, а не по результатам дополнительного обследования, отменяют диагнозы, установленные призывникам в специализированных стационарах города (обследовались по направлению Призывных комиссий), а также главными врачами-специалистами города и Северо-Запада. Больше всего такие нарушения допускают врачи-специалисты городской штатной ВВК: хирург Брайлов А.Л., невролог Коваленко И.И. Эти же врачи и терапевт штатной ВВК Остриченко В.Н. запрещают врачам-специалистам районов (подчиненных по своей специальности) освобождать граждан от призыва по состоянию здоровья без своего предварительного разрешения — что противоречит требованиям ФЗ «О воинской

обязанности и военной службе». Это привело к появлению большого количества жалоб граждан в судебные инстанции на незаконные действия этих врачей и на решения Призывной комиссии города.

Районными неврологами подана жалоба в ЦВВК на незаконные действия невролога Коваленко И.И. и высказано мнение о несоответствии его занимаемой должности.

- Так как городская Призывная комиссия не заседает по конкретным призывникам, то решение специалистов штатной ВВК — истина в последней инстанции. Они говорят районным медкомиссиям: показывайте мне дела всех призывников, которым собираетесь поставить категорию «В», «Г» или «Д» — я дам добро, а не покажете заранее, напишете «негоден» без моей санкции — я все равно отменю. Они же запрещают направлять в стационар без своего согласия — хотя по закону направляют на допобследование по решению ПК района.

Все это мне под обещание сохранить анонимность рассказывают сами врачи медкомиссий.

б. Контрольное медицинское освидетельствование (КМО) в целях контроля обоснованности освобождения от призыва граждан в районах проводится с грубыми нарушениями законов (ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Постановления Правительства РФ от 25.02.2003 г., «Положения о военно-врачебной экспертизе», Приказа Министра обороны и Министерства здравоохранения №240/168 от 23.05.2001 г. «Об организации медицинского обеспечения подготовки граждан РФ к военной службе»). Председателем ВВК Мурсаловым С.У. организованы так называемые «выездные КМО», когда врачи-специалисты штатной ВВК выезжают в районы и осматривают граждан, получивших освобожде-

ние от призыва по состоянию здоровья. В случае несогласия с диагнозом решение призывной комиссии района отменяется записью одного врача-специалиста штатной ВВК, а не Призывной комиссией города. По результатам КМО на сборном пункте (Загородный пр., 54) решение о призыве или об освобождении граждан от призыва принимает не ПРИЗЫВНАЯ КОМИССИЯ, а только эти врачи под руководством председателя ВВК Мурсалова С.У. (грубо нарушен ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). Призывная комиссия по этим вопросам даже не заседает. Таким образом, врачи-специалисты штатной ВВК незаконно наделили сами себя огромной властью «истины в последней инстанции» — призвать или нет. А это прямой путь к коррупции.

- «Выездные КМО» — такого вообще не может быть по закону. Но оно есть. Выезжают врачи штатной ВВК в район и смотрят и документы, и людей. Основная цель — не ждать, когда привезут все дела «негодников», потому что отдельной стопкой стоят дела тех, кому нужно «быстро получить билет».

А дальше получается, что среди «согласованных» сидят другие ребята — «спорные» или те, кому штатные врачи велели не подписывать категорию «В» без их разрешения. И члены этой «выездной КМО» без зазрения совести говорят районному врачу: «Не вижу у них указанных заболеваний — пиши, что годен!» И призывнику тут же дают повестку на отправку, или вообще хватают, без проведения призывной комиссии города — и везут на Загородный проспект. То есть, вообще нет возможности оспорить!

К начальнику отдела призыва Аппазову однажды пробился призывник, которого признали годным на такой КМО. Приходит, спрашивает: когда будет заседание городской Призывной комиссии, я хочу прийти, получить реше-

ние и оспорить. Аппазов с ним вообще говорить не захотел! Так что противостоять этому беспределу только самые стойкие могут.

Была ли какая-либо реакция министра обороны на эту записку Сергея Стрильченко — неизвестно.

Приложение 2

Curriculum vitae армейской реформы

Пока шла работа над книгой, начался новый призыв — весенний 2011 года. Его продолжительность осталась прежней — предложение растянуть срок работы военкоматов до 31 августа не было утверждено Госдумой, и призыв продлился, как и в прежние годы, с 1 апреля по 15 июля. При этом, несмотря на общее сокращение плана призыва (весна 2010 — 280 тысяч, осень 2010 — 270 тысяч, весна 2011 — 215 тысяч), план по городу на Неве, наоборот, увеличен на 20% — об этом, ссылаясь на начальника отдела призыва военкомата Петербурга Рефата Аппазова, сообщила Элла Полякова.

Интересно, что с самого начала работы призывных комиссий появился слух о том, что нынешний призыв — последний, в который отправлять в армию будут на один год, а дальше срок увеличат. Правозащитники уверены, что источник этих слухов — сами военкоматы, пытающиеся «мотивировать» призывников — тем более что раньше такой способ уже срабатывал.

Все эти обыкновенные чудеса происходили на фоне заявления президента Медведева о том, что призыв сохранится еще как минимум 10–15 лет, и новости от министра обороны Сердюкова: президент одобрил сокращение доли призывников и увеличение доли контрактников в армии при сохранении ее прежней численности.

Анализ последней военной реформы в России можно было услышать из уст **Сергея Кривенко**, директора Правозащитной группы «Гражданин. Армия. Право», на дискуссии, прошедшей в петербургском НИЦ «Мемориал» 7 апреля 2011 года.

Итак, в 2003 году началась очередная реформа армии — одного из немногих институтов, который не подвергся радикальной трансформации после падения СССР. Российская армия — это во многом ухудшенная версия армии советской (хуже она, потому что в СА была система контроля со стороны партии и КГБ).

Системный переход к новой армии должен был начаться в 2003 году. Мотором этого была партия СПС — они продвигали модель, которую разработали в ИНСОРе, институте Гайдара. Эта модель предполагала отказ от концепции массовой мобилизационной армии: в новых вооруженных силах, даже в случае большой войны, резервисты не подлежат мобилизации. Поэтому реформа предполагала, что все кадрированные части (состоящие только из техники и офицеров) — расформируются, остаются лишь части постоянной готовности, состоящие из контрактников. Однако сохраняется и призыв — на 6 месяцев молодые люди направляются в учебные части, где они получают военные специальности, и лучшим из них предлагают заключить контракт.

Эту модель поддержал Путин, правительство выделило деньги. Но генералам удалось первоначальную идею сильно исказить: сократить срок призыва не до 6 месяцев, а до 1 года, причем призывники не остаются все время в учебке, а дослуживают в линейных частях.

Провалилась и программа увеличения числа контрактников. Ее реализация началась в 2004 году, в 2007 же генералы объявили, что набрали запланированные 146 тысяч контрактников (доведя их общее число в армии до 400 с лишним тысяч). Однако правозащитники видели, что программа провалена, и новый министр обороны Сердюков в 2009 году подтвердил это. Предыдущего министра — Иванова — сместили, но гласного разбирательства, почему реформа провалена, не было.

Дело в том, что на контрактную службу затаскивали насильно, угрозами. А те, кто согласился — увидев, что к ним, несмотря на контракт, продолжают относиться как к призывникам-крепостным, сбегали всеми возможными способами. В конце 2006-07 годов контрактники стали бежать повально. В итоге в 2008 году, вместо запланированных 146 тысяч, осталось чуть не 25.

- Я помню, как набирали этих контрактников, я тогда работал врачом в городской призывной комиссии, — рассказывал Сергей Стрильченко, также присутствовавший на встрече в «Мемориале». — Таджики с рынка привозили автобусом, они по-русски не говорят (а в законе есть оговорка, что иностранных граждан можно брать на контракт, если они обладают полезной специальностью) — их всех скопом записывали, а через 2–3 дня их из части отправляют назад: что бы там стали делать с «контрактниками», которые даже языка не понимают? Но при этом рапортуют наверх: план выполнен!

Состояние, в котором российское общество и его армия вошли в 2011 год — более чем тревожное.

Идеи ИНСОРа не воплощены, реформа полностью зашла в тупик. При этом, если в 2003 году 1 млн. 300 тыс. молодых людей ежегодно достигали 18 лет, то в 2011 — всего 700 тысяч. Здоровье призывников тоже ухудшается — призывают тех, кто родился в не особенно благополучные 90-е. К тому же срок службы составляет один год, а не два, как в 2003 году, когда начиналась реформа — а значит, приходится призывать еще больше молодых людей.

Чтобы выполнить план призыва, в 2008 году уже сократили многие отсрочки, сейчас наступление на них продолжается: в Госдуме собираются рассматривать законопроект о том, чтобы список учебных специальностей в вузах, на которых студентам предоставляются отсрочки, в любой момент

времени определяло правительство РФ (и, надо думать, число таких специальностей резко сократится). Если законопроект пройдет, каждый студент, отучившись пару лет, в любой момент может с удивлением узнать, что именно его специальность вдруг исключена из списка, и он подлежит призыву...

В 2008-10 гг. зафиксирован резкий рост насилия в армии, который продолжается и в 2011. Это наблюдает даже Главная военная прокуратура — ее последняя коллегия сообщила о 4–5 тысячах насильственных преступлений в армии в год. Причем надо понимать, что эта статистика — самая вершина айсберга...

Особенно удручает рост насилия со стороны офицеров. Его связывают с неопределенностью в жизни армейской элиты: офицерский корпус подлежит жестокому сокращению, хотя, по последней инициативе Медведева, все же не до 150, а до 220 тысяч человек.

С января 2012 года обещают улучшить материальное положение тех офицеров, что останутся в строю: вместо 15 тысяч рублей лейтенантам вроде бы будут платить 50; а контрактникам — 30 вместо 10. Но до этого надо еще дожить!

Все еще не началось формирование корпуса профессиональных сержантов: проект начался в 2008 году и должен закончиться в 2016, но первые результаты уже не позволяют назвать выполнение программы успешным. Однако даже если эти специалисты появятся в частях, вызывает большое сомнение их способность переломить хребет дедовщине: гораздо проще им будет встроиться в нынешнюю коррумпированную систему.

Начался предвыборный год, и президент Медведев волей-неволей должен был как-то высказаться об армейских делах. Ничего нового он придумать не смог, и фактически в

качестве основной идеи взял тот же самый план ИНСОРа. В результате задуманной им реформы в армии, численность которой сохранится на уровне 1 млн. солдат, должны служить 220 тысяч офицеров, 425 тысяч контрактников, а значит — всего 355 тысяч призывников, а не 750 тысяч, как еще недавно настаивали офицеры Генштаба из Главного организационно-мобилизационного управления (ГОМУ).

Вот только реальность выполнения этого плана вызывает сомнения у военных экспертов.

«За довольно короткий срок предстоит набрать в Вооруженные силы 275 тысяч контрактников (сейчас их 150 тысяч). Это практически в два раза больше, чем предполагала проваленная Федеральная целевая программа. Между тем люди, ее провалившие, остаются на своих высоких постах. Судьба новой программы будет незавидной, если ее реализация будет поручена патологическим врунам из ГОМУ. Не поможет даже обещанное президентом трехкратное увеличение жалования», — высказывается в «Ежедневном журнале» Александр Гольц.

- Получится ли задуманное, неизвестно, так как неизвестны истинные цели реформаторов, — считает Сергей Кривенко. — Власть неоднородна. Администрация президента, возможно, хочет изменить ситуацию. А большая группа военных — не заинтересована в этом.

- Цифра в 425 тыс. контрактников соответствует числу должностей со специализацией в армии. Столько — действительно нужно, но как их набрать? Это пока просто идея — нет ни программы, ни сроков, — полагает Сергей Стрильченко.

При этом все эксперты согласны, что вряд ли удастся провести вторую реформу с теми же кадрами, которые провалили первую.

- Начальник ГОМУ Василий Смирнов — тот демид-

ург, который стабилизирует пагубную призывную систему. Именно он — единственный, кто получил у нас антиприз «Золотая кувалда» дважды, — рассказывает Сергей Кривенко. — На публичных мероприятиях он говорит о том, что нужно проводить призыв по закону, но ничего для этого не делает, имея при этом достаточно власти. Его надо убирать с этой должности.

Независимые специалисты полагают, что заявленная президентом военная реформа вряд ли принесет желаемые плоды. Но предлагают ли они что-либо взамен?

- Надо прекращать призыв, некуда и незачем призывать: в казармах нет ни условий содержания, ни медицинского обеспечения. Сейчас сократили число госпиталей; ребята гибнут бессмысленно, — говорит Элла Полякова. — Мы получаем рассылку правозащитников по стране: буквально каждый день сообщения о трагедиях и преступлениях. Реформировать нужно всю систему военной службы, а без отмены призыва это невозможно, так же как без участия гражданского общества. Потому что сознание мальчишек, 9-11 классов, мифологизировано: реального положения дел в армии они не знают, знают только «заклинания» вроде «кто не служил, тот не мужчина». Институт семьи не работает, институт школы захвачен военными: они используют его как площадку для пропаганды. Надо демилитаризовать сознание людей, высвободить их потенциал.

- Если прямо сейчас ввести мораторий на призыв на ближайшие 10 лет — катастрофы не случится, — полагает Сергей Кривенко. — За это время удалось бы изменить систему... Но этого точно не произойдет. Как оптимальный реальный вариант можно было бы использовать процесс перехода от полупризывной к полностью профессиональной армии за 5–7 лет.

Содержание

Вступление	3
Глава 1. Облавы	9
Глава 2. Военкоматы	57
Глава 3. Личное дело	100
Глава 4. Другие решения	111
Приложение 1 Взгляд изнутри	134
Приложение 2 Curriculum vitae армейской реформы	144